

№3

Март 2023

РУССКИЙ КЛУБ

Национальная сборная Грузии впервые в истории вышла на чемпионат мира по баскетболу

Фото: Национальная федерация баскетбола Грузии / www.gbf.ge

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№3⁽²⁰⁹⁾
Март 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 НЕБО В ОБЪЯТЯХ
НАТАЛИЯ СОКОЛОВСКАЯ
- 7 ЖЕЛЕЗНОЕ ЛОЖЕ. ФРАГМЕНТ ПОЭМЫ
ОТАР ЧИЛАДЗЕ
- 9 ДИАЛОГИ С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ
ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ
АНДРЕЙ МАРУДЕНКО
- 14 «МЫ ЖИВЕМ ИЛЛЮЗИЯМИ...»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 20 «ЗОЛОТОЙ» ЧЕЛОВЕК С ЗОЛОТЫМИ РУКАМИ
ЕЛЕНА ЖГЕНТИ
- 22 ХРАНИТЕЛИ. КОВЧЕГ ГЕДЕВАНИ
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 28 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 34 РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 38 МУЗЫКА ЖИВОПИСИ КАХИ БАХТАДЗЕ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 41 ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 42 ДНЕВНИК ВОСПОМИНАНИЙ
БАБО ДАДИАНИ
- 46 СОКРОВИЩНИЦА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПОПОЛНЕНА
ХАННА ПЕНМАН
- 49 «ЗДРАВСТВУЙ, МТАЦМИНДА, – ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ ТБИЛИСИ!»
НОДАР НИКУРАДЗЕ
- 52 АМАГЛЕБУЛИ. ЗЛАТОУСТ
ЛЯМАН БАГИРОВА

На обложке – фото **Серго Эдишерашвили**

от ДО

Роб АВАДЯЕВ

«ПЕЧАЛЬ БУДЕТ ДЛИТЬСЯ ВЕЧНО»

В здании старинного железнодорожного вокзала, что на левом берегу Сены почти напротив Лувра, отстояв солидную очередь, можно войти в один из самых известных музеев мира, второй по популярности среди многих в культурной столице Европы. Это знаменитый парижский Орсе. Там выставлены работы самых значительных художников второй половины XIX и начала XX веков. Импрессионисты, постимпрессионисты, скульптуры Родена и других ваятелей, образцы дизайна ар-деко и архитектуры модерна. А билет туда не такой уж дешевый, в этом году – 16 евро, хотя детям, инвалидам и студентам – бесплатно в определенные дни. Впрочем, бесплатно – и всем желающим в первое воскресенье месяца. Кстати, ночные билеты дешевле, за 12 евро (по четвергам!) И вот там, среди сонма невероятных шедевров, знакомых по живописным альбомам – они раскида-

ны по многочисленным залам – в том, что под номером 35 верхнего уровня, где огромные вокзальные часы, как-то раз довелось услышать разговор на русском двух посетителей – седого элегантного мужчины и мальчика лет четырнадцати-пятнадцати. «Хочешь увидеть миллиард долларов своими глазами? – спросил у юноши седой. – Вот он перед тобой. Здесь несколько десятков ван-гогов, каждая из картин – миллионов под тридцать-сорок. Вот и получается почти миллиард». Да, Винсент Ван Гог очень известен и оценен. Его знаменитые «Звездная ночь», «Подсолнухи» и «Кафе в Арле» растиражированы в изданиях, на сувенирах, кружках, майках. Яркие работы еще в конце позапрошлого века пленили любителей живописи. Но художник, родившийся 30 марта 1853 года, как и многие гении, прожил не самую счастливую жизнь. В ней было много разочарований, нужды, неприятия современников, много алкоголя и в итоге – безумия, приведшего к ранней смерти. Он родился в приличной голландской семье, сначала работал в галерее своего дяди, где научился разбираться в живописи и стилях разных художников. Казалось, его судьба предрешена и сулила ему достаток, удачный брак и крепкую семью. Но Винсент поначалу решил податься в религию и стать священником и проповедником. Это ему не удалось, талант не позволил и заставил идти дорогой творца – Ван Гог решил найти себя в живописи. Его любимый брат Тео, вполне состоявшийся молодой предприниматель, поддержал Винсента. И поддерживал всю жизнь, помогая материально, покупая ему холсты и краски. Нечасто у художников встречались такие надежные и верные покровители. Именно Тео посоветовал брату сменить мрачную голландскую палитру красок на яркую и жизнерадостную, он был хорошим продюсером, как сказали бы сейчас. Кстати, легенда о единственной проданной при жизни Ван Гога картине «Красные виноградники в Арле» неверна – доказано, что Тео удалось продать не менее полутора десятков полотен. Просто он в какой-то момент понял, что работы брата надо «попридержать», их ценность для торговцев была вполне очевидна. Жаль, душевная болезнь Винсента, усугубленная абсентом, не давала ему вести нормальную жизнь. Драка с другом Гогеном, чуть не приведшая к убийству, отрезанное ухо, точнее, мочка левого уха, не позволяли отпустить Винсента из клиники душевнобольных в обычный мир. Впрочем, история с его самоубийством в по-

следнее время оспаривается. Среди жителей Овера, распространена совсем другая легенда про смерть Ван Гога, нежели официальная. Дескать, он на этуодах частенько выпивал с двумя местными юношами. Однажды они все захмелели, и пацаны решили пострелять из револьвера Винсента, который он носил для отпугивания ворон. Из озорства они захотели выстрелить в незаконченный этюд на мольберте. Винсент загородил собой работу и попал под пулю. Мальчишки в страхе убежали, а художник сам дошел до гостиницы, где лишился сознания, и через 2 суток умер на руках безутешного Тео, который, узнав о случившемся, незамедлительно приехал к брату. Мальчишек Винсент не выдал. Вот такая дурацкая смерть невероятного гения, стоимость работ которого нынче соразмерна с доходами целой небольшой страны. Его последними словами были: «Печаль будет длиться вечно»...

200 ЛЕТ КОНСТАНТИНУ УШИНСКОМУ

Ровно два века назад, 3 марта 1823 года, в Туле родился великий русский учитель, основоположник научной педагогики Константин Дмитриевич Ушинский. Он появился на свет в семье отставного боевого офицера, мелкопоместного дворянина и участника войны 1812 года. После назначения отца судьей в Полтавскую казенную палату, семья переехала в Новгород-Северский Черниговской губернии. Там, в скромном поместье, прошло детство Константина. Рано лишившись матери, он поступил в скромную местную уездную гимназию сразу в третий класс и закончил ее

с блеском. Дело в том, что в России провинциальные гимназии частенько давали гораздо более хорошие знания, нежели многие столичные. Юный Ушинский с легкостью поступил в Московский университет на юридическое отделение и успешно закончил его. Он даже стал кандидатом юриспруденции и был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. А дальше началась его многолетняя служба – сначала в Демидовском лицее, откуда он был уволен из-за своих либеральных взглядов по доносу коллег. Затем перебрался в Санкт-Петербург, где занял мелкую чиновничью должность в Департаменте духовных дел и иностранных вероисповеданий. Тогда же Ушинский стал печататься в знаменитом журнале «Современник». Но мир не без добрых людей, и друзья порекомендовали Константину Дмитриевичу на работу в Гатчинский сиротский институт учителем русской словесности. Там он впервые всерьез соприкоснулся с миром школьного образования и научился понимать маленьких учащихся. Ушинский занялся теоретическими и практическими изысканиями в области педагогики и написал одну из лучших своих статей – «О пользе педагогической литературы», которую опубликовали несколько журналов. С этого момента он стал постоянным автором «Журнала для Воспитания», где в своих статьях развивал взгляды на систему воспитания и образования в России. А после трехлетнего пребывания в должности инспектора Смольного института благородных девиц, неудачного в плане неприятия его идей коллегами и вечными доносами о его неблагонадежности, Ушинский отправился на несколько лет за границу, где изучал работу лучших учебных заведений, с целью отыскать полезное для российского образования. Именно там, вдали от родины, он и написал свой великий труд «Родное слово» и начал работу над своим знаменитейшим двухтомником, фундаментальным трудом «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Закончил его он уже после возвращения домой. Этот труд до сих пор широко известен среди педагогов. Прожил великий учитель немного, всего 47 лет, но и его труды, и его идеи пережили своего создателя. Только до революции 1917 года тот самый учебник русского языка «Родное слово» выдержал 157 изданий! А поучительные истории и сказки для детей Константина Ушинского издаются повсеместно по сей день.

ФЛАГИ НЕ СПУЩЕНЫ

Кроме знаменитого Ушинского, в марте мы вспоминаем еще одного великого учителя, а по совместительству и прекрасного писателя – автора «Педагогической поэмы» и «Флагов на башнях», и ныне читающихся, как настоящий бестселлер. Но все, о чем он писал, было на самом деле. Гениальный Антон Семенович Макаренко, родившийся 13 марта 1888 года неподалеку от города Сумы, был признан в 1988 году ЮНЕСКО одним из четырех выдающихся педагогов мира. И это при том, что его практику в свое время называли жестокой и яростно критиковали. В историю Макаренко вошел как создатель всемирно известных методик воспитания и перевоспитания подростков-правонарушителей, в том числе, беспризорников.

В разное время Антон Семенович руководил тремя детскими колониями-коммунами и работал с самыми обездоленными ребятами, потерявшими в лихое время семьи и кров. Макаренко не только открыто провозгласил, но и на практике осуществил идею воспитания «нового человека». Часто к нему в коммуны попадали совершенно «оторванные» парни – беспризорники, прошедшие через бандитские шайки и воровские «малины». Их в России после Гражданской войны насчитывалось больше двух миллионов. Многие были настоящими разбойниками и ворами. И вот из них этот невероятный человек делал настоящих людей. Вместе с мальчишками поступали их личные дела со всеми их преступлениями. Так эти папки тут же сжигали на глазах у ребят, не читая, вместе со старой одеждой. Макаренко не нужно было знать прошлое нового воспитанника – все сгорело и все забыто! Ребят сразу отправляли в баню и выдавали форму колониста. В коммунах Макаренко не было ни охраны, ни заборов. Никто не убегал, а если даже кто-то и уходил, то все равно возвращался. Антон Семенович разработал «метод перспективных линий» – поэтапного выполнения заданий. Перед ребенком ставится цепочка целей, которые нужно пооче-

редно достигать. Главное – сделать дело, сделать его вместе с другими и сделать хорошо, а идеальной учебы от своих учеников Макаренко не требовал, считая, что это наживное. А от старших маленькому человеку было даровано безграничное доверие – и это подчас становилось непреодолимым препятствием для возвращения к «старой жизни». Представьте, в практике Макаренко был случай, когда он поручил перевезти огромную сумму денег для содержания целой колонии мальчишке – бывшему беспризорнику и преступнику.

Антон Семенович даже выдал ему для охраны денег наган. И бывший маленький вор не подвел, в целости донес всю сумму, хотя и ехал через бандитский район. Макаренко говорил: «Как можно больше уважения к человеку и как можно больше требовательности к нему». А еще он говорил, что «человека нужно не лепить, а ковать». Звучит страшновато, если не знать, что этот незаурядный человек воспитал и выпустил в жизнь сотни тоже незаурядных людей, многие из которых стали героями войны, учеными, писателями и настоящими тружениками. Макаренко любил своих учеников и не раз боролся за них, защищая от произвола даже первых лиц страны и тех костных ретроградов, считавших трудных детей врожденно дефективными, аморальными и умственно отсталыми. Макаренко считал своих воспитанников обычными детьми. А потом наступило время, когда в эпоху сталинского социализма, его методики переврали и решили использовать для создания поколений покорных членов общества.

Но истинные идеи гениального учителя до сих пор с успехом применимы и, представьте, хорошо работают. Между прочим, в разных странах – от Китая, Италии, Германии до благополучной Америки.

Отар Чиладзе

НЕБО В ОБЪЯТЯХ

— **Наталья СОКОЛОВСКАЯ**

...И не так-то часто мы виделись. Даже когда я жила в Тбилиси. Пожалуй, хватало состояния, точно зафиксированного Пастернаком: «Ты здесь. Мы в воздухе одном. Твое присутствие, как город...» Это никоим образом не лирическое замечание.

Без особого усилия Отар сумел сделать свои стихи, свою прозу и, наконец, свою судьбу неотъемлемой частью и своего города, и своей страны, и мирового художественного пространства. Но что, собственно, мы знаем об «усилии»? Может ли быть что-то тяжелее бесплотной мысли, когда вытягиваешь ее из небытия на свет, разминаешь, распрямляешь, точно колючую проволоку? Даже «тени разбуженных мыслей» могут грохотать по мостовой, «как бочки, набитые порохом». «Как ребенок – со зверем, он с мыслью остался один на один» – это не только о Галактионе, разумеется (речь идет о поэме Отара Чиладзе «Железное ложе», посвященной Галактиону Табидзе – **Н.С.**). О себе тоже.

Отар стал тем человеком, к слову которого прислушивалась его страна. «В надежде, что ста-

нет добрей и свободней, народ окончательных истин просил у Данта, пришедшего из преисподней. Но истина не предвещала добра. Народ оробел и спрашивал снова. И снова не понял. И мысли из слова с трудом выносил, точно гроб со двора». Это из поэмы «Железное ложе», написанной в шестьдесят третьем году. Потом была проза, ткань которой Отар создавал из живого, вечно текущего времени, в котором реальность и миф, прошлое и будущее существуют одновременно. А спустя сорок лет Отар вернулся из преисподней своего последнего романа «Годори» (вышел на русском в превосходном переводе А.Л. Эбаноидзе – **Н.С.**), романа о судьбе родины.

Подобной русской книги я не знаю. Не очень понимаю, как грузины простили Отару этот текст. Может, за всеми жизненными нескладницами прочитали забыли...

Но не только слова – и молчание Отара было значительно. Важно было, о чем и когда он молчит.

В 2004 году в квартире его брата, прозаика и драматурга Тамаза Чиладзе, мы вспоминали апрель 1989-го, страшное начало девяностых. «Знаешь, мы сидели зимой в нетопленной комнате, при свече, и слушали, как внизу, в зоопарке, ревет голодный лев».

Потом Отар вспоминал о единственном и едва ли не однодневном приезде в Тбилиси Иосифа Бродского, о том, как провели они весь день вдвоем: Отар, Иосиф и Тамаз. Как, не выходя из лоджии, пили вино и говорили.

В сумке у меня лежал фотоаппарат. Но искушению сделать снимок я не поддавалась. Уже тогда Отар болел, а мне не хотелось быть уличенной в суетном желании сделать «фотографию на память».

«Что с того, если здесь мы не свидимся больше? Прощай! Все на свете случайно. Но это – не выход в беспечность, коль разлука навечно случайнее встреч невзначай. Лишь она мне дает ощутить натуральную вечность...» Это строки гениального перевода Бродского из Отара. Действительно, «что с того», если впереди «натуральная вечность».

Однако нам довелось свидеться еще один раз – на этом свете теперь уже точно – последний, третьего июля 2009 года. Я не думала, что он найдет силы для встречи. Он говорил стоя, опираясь на спинку стула («Так легче дышать»), непонятно было, откуда в изможденном недуге теле столько энергии.

Никакие сантименты между нами заведены не были. Но в тот раз, прощаясь, мы обнялись. И несколько секунд мне казалось, что я обнимаю птицу, которая сейчас улетит: вздымающиеся ребра и под ними воздух, уже готовый стать частью общего неба...

Впервые опубликовано в «Новой газете» 5 октября 2009 года.

ЖЕЛЕЗНОЕ ЛОЖЕ

Фрагмент поэмы

Отар ЧИЛАДЗЕ

Перевод Наталии Соколовской

Галактиону Табидзе

1

Деревья во сне говорили всю ночь.
И небо, разъятое ветром, роптало.
И в небе луна затерялась – точь-в-точь
усталый старик в закоулках квартала.

Мерцала листва, как во время дождя.
И время мерцало бельмом циферблата.
И, в думы свои с головою уйдя,
мерцала Кура глубиною агата.

Мерцала душа, устремленная ввысь,
у ночи крошечной просила отсрочки.
И тени разбуженных мыслей неслись,
как будто набитые порохом бочки.

Трамвайные рельсы, простершись в ночи,
как Тайная вечеря, тихо и грозно,
внезапно кончались... А там хоть кричи:
лишь небо глядит широко и беззвездно.

2

Такой эта улица ночью была.
Здесь смысл обретали и шорох, и шепот,
здесь тени сгущались, щетинилась мгла,
и в стены вращал изнурительный опыт.

И форточек сторожевая пальба
за теми, кто здесь иногда пробирался,
неслась по пятам. И витали у лба
то дым пепелища, то запах лекарства.

Прохожих внезапно охватывал страх.
А царственный сад дождался рассвета
и сдерживал пение птиц на устах...
...Так жизнь протекала на улице этой.

3

За стенами книга писалась для нас.
Пока мы спешили в горячке азарта,
все то, что сегодня не схватывал глаз,
в нее кропотливо вносилось для завтра.
И все, что приливом дарила луна,
и все, что в толпе вызревало подспудно,
и все, что дожди подымали со дна
забытой, забитой судьбы многотрудной,
и все, чем терзаемы этот и тот,
и все, чем небесные мучимы птицы, –
в ней значилось, не допуская пустот...
И – ЖИЗНЬ – проступало на первой странице.

4

Поэт на железной кровати лежал.
Лежала душа потрясенная. Сухо
мерцал в изголовии бедном металл.
...Но звуки, доселе не внятные слуху,
но неба последняя близость и свет,
но вечности медленный взгляд от порога,
но страсть, но прозрений болезненный след,
но страшная ночь подведенья итога...
Вот так – под последним напором судьбы
испытывать жаркий прилив благодати,
и плакать, и жизнь подымать на дыбы
на жалящей, жесткой, железной кровати.

5

А город полночный всю разоспался,
распался в сновиденном чутком кольце.

И все-таки свет на стене оставался,
как будто улыбка на спящем лице.

И эта улыбка страницы бывшего
задела и, к ним прикасаясь легко,
вернула им душу и голос. И снова
дышать начинали они глубоко.

Опять принимали свой вид изначальный
и Бог, и животное, и человек...
И девочка травы рукою случайной
сбирала мгновения – месяцы – век...

Ее донимала пчела и сердила,
касаясь волос, и плеча, и чела.
Из полдня и зноя она выходила,
наивна, как эти трава и пчела.

Правее дороги наезженной – строго
стоял монастырь. Разрастаясь, горя,
день был ощутимей присутствия Бога.
И девочка, точно робея немного,
следила за стенами монастыря.

И все размышляла: нельзя или можно
к нему подходить... А желанная тень,
как стадо, тянулась за ним осторожно
сквозь душный, душистый, медлительный день.

Старик покидал монастырские своды
и двигался с посохом наперевес
по долгому полю палящей свободы
и песню свою сочинял для небес.

Но день иссякал. Постепенно темнело.
На все колокольни взошли звонари.
И храм открывал светоносное тело.
И пенье, как сердце, дрожало внутри.

А Гаргантюа молодые потомки
гоняли гусей, отводили глаза,

бузили, едой набивали котомки,
боялись, когда собиралась гроза.

В грозу, уповая на милость господню, –
пока не придумали громоотвод, –
молясь и надеясь: «Авось не сегодня!» –
на небо взирал боязливый народ.

И снова, инстинкту природному внемля,
крестьянин, пока занималась заря,
упорно и тихо распахивал землю,
упорный и тихий, как эта земля.

И снова Изольда любила Тристана,
являясь из потусторонних огней.
И не говорила, а может, не знала,
что сердце всех женщин болело у ней.

Во имя всех женщин Изольда любила –
всех женщин и всех разоренных сердец.
Того, что всему наступает конец,
не знала, а может быть, не говорила.

И все же опять, – выбиваясь из сил, –
в надежде, что станет добрей и свободней,
народ окончательных истин просил
у Данта, пришедшего из преисподней.

Но истина не предвещала добра,
Народ оробел и расспрашивал снова.
И снова не понял. И мысли из слова
с трудом выносил, точно гроб со двора.

И снова дышал над землей Зодиак.
И сад разрастался ветвями, кистями.
И кроткими были окрестности, как
пришедший на исповедь старый крестьянин.

И Мать, невозможное с миром деля,
в смятенье роняя на пол покрывало,
одною рукою Дитя – отдавала,
другою рукой – прижимала Дитя.

ДИАЛОГИ

С КНЯЗЕМ НИКИТОЙ ДМИТРИЕВИЧЕМ ЛОБАНОВЫМ-РОСТОВСКИМ

■ Андрей МАРУДЕНКО

Продолжение

О ПОЛЬЗЕ ЭТИКЕТА

– В России сейчас бум этикета. Доходит до того, что люди неделю могут обсуждать, куда нужно положить салфетку.

– Всегда с левой стороны, у левой руки.

– Для большинства людей эти знания бесполезны и сугубо факультативны. Другое дело, что это позволяет внести в жизнь эстетическое измерение. Вам они нужны, поскольку вы общаетесь в той среде, где это необходимо. В России же нет таких социальных нормативов.

– Я мог бы добавить. Если все-таки один из тысячи оказывается в таком обществе, и люди садятся за стол вместе, то этикет является необходимостью, потому что это помогает понять, какую салфетку брать, какой взять прибор. Если нет этикета, то как понять, какой взять стакан из двух-трех? Поэтому, чтобы из-

бежать неловкости, нужны эти правила.

– Какой минимум правил нужно знать человеку, чтобы общаться в приличном обществе?

– Это воспитание, общительность, умение не навязывать свои убеждения, не указывать на свое интеллектуальное превосходство, не утомлять других своими монологами, уметь слушать, быть заинтересованным собеседником и уметь задавать вопросы, быть осведомленным, хорошо одетым – для мужчин это означает быть элегантным и не бросающимся в глаза, да и многое другое.

В личной жизни, не общественной, я встречаюсь и общаюсь только с узким количеством людей. Все они более или менее того же сословия и пользуются теми же социальными правилами.

Как вы могли заметить, я часто дарю знакомым в Москве одежду. Я это делаю не потому, что я добрый, или я этим

им помогаю. Нет, я это делаю, как страховку для себя. Что это значит? Мне стыдно сидеть с людьми в свитерах без рубашки, в майках. Потому что, когда моя супруга видит меня с такими людьми из России, то ей эстетически, как и мне, становится неприятно. Мы просто не привыкли к этому и не хотим привыкать. Недавно в Лондон приезжал мой знакомый из России. Я ему подарил много одежды: пальто, брюки, пиджаки, рубашки, галстуки – все, что пригодится, когда ему приходится бывать не в своей среде. Мы пошли в гости на чай на квартиру к моей бывшей жене Нине. Нина после этого визита мне написала о том, что она удивилась тому, что я пришел с очень элегантным человеком из России – как это может быть?

– Это награда за ваш труд.

– Совершенно верно. Первый раз за 50 лет я получил от Нины не ругательную заметку о том, что я пришел с прилично одетым человеком из России.

– Я помню, как вы однажды в Париже на приеме аккуратно сказали мне, что коричневые ботинки с темным костюмом носят только итальянцы или русские. Позже, оглядев меня с ног до головы на приеме в Travellers club, вы сказали: «Теперь с вами не стыдно показаться в приличном обще-

Джун и Никита в ресторане «Риверсайд». Лондон, 30 июня 2022 года

стве». Это был успех.

– Приведу еще один пример. В 1979 году к нам гости в Лондоне пришел известный московский дирижер, почитаемый во всем мире. Пришел на чай в 5 часов. Я предупредил Нину, что советские интеллигенты пьют коньяк. Нина принесла к чаю бутылку Хеннеси. Нина ушла в 19 часов. Дирижер просидел за бутылкой до 23-х часов, пока не прикончил коньяк. Нина мне сказала потом, чтобы я больше никогда не приводил домой советских гостей. Вот такое отличие менталитета. Российскому человеку это может казаться нормальным, так же, как и не российскому – это кажется непонятным.

– Какие вещи для вас неприемлемы?

– Поведение, разговор. Не уйти вовремя.

– Это более важно, чем опоздание?

– Конечно. Прийти на званный обед с опозданием на пять или десять минут – очень хорошо для хозяйки, и она будет вам даже благодарна за это.

– Когда нужно уходить?

– Уходить нужно, когда указано. Если вас приглашают на файв-о-клок ти, значит, уходить нужно в шесть, а не в семь. У нас сегодня люди пришли на дринк до обеда в полдень, они ушли в час. Потом пришли другие люди в час обедать, ушли в два тридцать и так далее, вечером в 20 часов мы ждем

еще гостей на ужин. Впрочем, в России раньше в имения приезжали люди на выходные и оставались неделями и месяцами. Это исключительно русская традиция.

– Я часто цитирую вашу фразу: «Джун всегда со всеми вежлива, но с некоторыми только один раз». Многие люди воспринимают ровное и доброжелательное отношение к ним, как дружбу.

– Да, такое бывает.

– Вы человек вежливый, улыбаетесь, как английская королева, и человеку может показаться, что он стал вашим другом. Правильно я понимаю, что одним из показателей того, что к человеку действительно расположены, является то, что его приглашают в гости домой и, возможно, неоднократно?

– Да, и особенно во Франции это очень чувствуется. Французы очень редко приглашают домой.

– Англичане охотнее приглашают в гости, чем французы?

– Да.

– Я знаю, что вы с Джун любите принимать, у вас постоянно гости, самые разные.

– Да, самая разнообразная публика. Но они – все интересны, как люди.

– Кто обычно приглашает, вы или Джун?

– Как везде в мире, главной приглашающей является домохозяйка, потому что она заведует кухней и провиантом. Я приглашаю только людей, которые мои личные знакомые, и было бы странно, если бы их приглашала Джун. Например, я приглашал Петра Авена, Юрия Лужкова с супругой или же российского посла Карасина. Джун этого не делает.

– Вы посылаете карточку или приглашаете по электронной почте?

– Лет пять-шесть назад нужно было посылать карточку. Сейчас все происходит по интернету. Иногда Джун посылает карточку-напоминание, потому что иногда ужин планируется за 2-3 месяца вперед, поэтому приходится посылать напоминание в виде карточки. Лет двадцать тому назад в каждом доме в Лондоне на

камине стояла пачка карточек-приглашений. Сейчас даже Сотбис перестал посылать свои чудные карточки-приглашения на их приемы.

– Вы сами часто в гости ходите?

– Я теперь редко хожу. Мне 87 лет. Маловато сил. Джун ходит два-три раза в неделю. Раньше я с удовольствием ходил, если там были интересные люди. Я иду в гости общаться, а не отдыхать, как говорят в России. Когда приходишь в России в ресторан, вам говорят «приятного отдыха». А я пришел в ресторан есть, а не отдыхать.

– Часто после такого отдыха человек просыпается с больной головой, которую не может оторвать от подушки, и при этом говорит: «Хорошо вчера отдохнули».

– Это очень показательно для России.

– Принято приходить в гости с подарками?

– Не всегда. В отличие от России в Англии не обязательно приходить с чем-то. Но мы

иногда ходим с подарками. Я обычно стараюсь принести, что-нибудь, что останется на память: книжку, шлифованный камень, картинку.

– А если вы идете на день рождения?

– Тогда определенно необходим подарок. Я дарю хорошую книгу, интересный фарфор, что-то такое, что может пригодиться и останется навсегда.

– Стоимость посуды имеет значение?

– Нет. Как и в одежде, где не важна стоимость. В одежде важен покрой, как и в ботинках. Они могут быть из бумаги, если они хорошо сшиты хорошим сапожником. Кто это знает, тот сразу это видит. То же самое в посуде. К сожалению, в России посуда в обиходе сейчас плохого качества. Например, чайники, когда вы из них наливаете, всегда капают.

– Как правильно делать рассадку приглашенных на ужин?

– По чинам. В центре – хозяин дома. Справа – самая важная дама из приглашен-

ных, слева – вторая по важности дама и так далее. Мужчины следуют таким же образом попеременно с дамами, через одного. Помня рассуждения Платона – для удачного застолья нужен круглый стол. Количество гостей должно быть больше 3-х, но меньше 12-ти человек. Хозяин должен регулировать общий разговор, давая возможность каждому высказаться. Здесь нужно мастерство, и не легко с этим справиться. Вы, наверное, сами были свидетелем, как за круглым столиком в гостинице, где я жил, мне было трудно удерживать от длиннейших монологов некоторых из московских интеллектуалов, не дающих другим вставить даже реплику.

– Вы, будучи светским человеком, совсем не пьете. Почему?

– Уже в детстве, лет с 10-12-ти, когда мне предлагали выпить вина, и тем более коньяка, мне было неприятно. Мне щипало во рту.

– В 10 лет?

Николай Вырубов

– Да. Это продолжалось в моей юности. К тому же у меня была естественная неприемлемость к кофе, мне было плохо от него. Я только в 22 года узнал, что у меня аллергия к кофе. Потом, когда я занялся активно спортом, то с алкоголем это было совмещать невозможно. Секс и алкоголь несопоставимы с высшими результатами в спорте. Затем я попал в Англию, в Оксфорд, где то, что я не пил, считалось очень подозрительным и странным. Любой молодой человек в Англии в колледже выпивал кружку пива. У входа в столовую в колледже Крайст Черч есть бар, где продают пиво. Я его не пил. Но что было еще более подозрительно, это то, что я, будучи членом оксфордского клуба Буллингдон, где

одно из клубных занятий был торжественный обед, где все напиваются до пьяна и разбивают все то, что есть в столовой, никогда на них не был. Я там был единственным непьющим. В другом эксклюзивном клубе – Лодерс – нужно было выпить кубок портвейна. Этот кубок был сделан из серебра в форме дамы в кринолиновой одежде. В него переливалась бутылка портвейна. Я просто отказался. Мой сверстник, лорд Ферно, выпив его, упал в обморок, и пришлось вызывать «скорую помощь». Мой дядя – брат моей матери Николай Вырубов – выиграл в колледже пари, поспорив, что выпьет бутылку водки за пять минут. А затем пришлось его откачивать в «скорой помощи». Конечно, все это вызыва-

ло подозрительность ко мне. Мой дед говорил, что если ты с кем-то крепко не выпьешь, то ты этого человека не знаешь. Несмотря на все эти мудрые доводы, поскольку мне это не нравилось, я не пил. Потом я переехал в Нью-Йорк и женился на дочери французского посла при ООН. Она, увидев, что я не пью и не курю, сказала, что ей очень неудобно выходить со мной в общество. Ибо питье качественного вина является частью французской культуры. Тогда большинство наших друзей были французы, а ее родственники даже создали свою ассоциацию, где было 252 человека. Председателем семейной организации был президент Франции Жискард д'Эстен. Нина сказала, что не может меня заставить пить вино, но я ей очень помогу, если буду разбираться в винах. Она подарила мне курс по вину в Колумбийском университете. Я этот курс прошел и сейчас могу пригубить любое вино, указать его качество и по крайней мере три минуты обсуждать его. Скажем, когда мы ужинаем у Ротшильдов, где подают их семейное вино Мутон Ротшильд, я могу поделиться впечатлением от вина. Я однажды был на ужине, который Владимир Путин устроил в Лондоне. Он привез всю пищу с собой. Он нанял дом лорда Джейкоба Ротшильда «Спенсер Хаус», который в свою очередь нанял этот дом долгосрочно у отца принцессы Дианы. Джейкоб поставил туда только одно свое вино – Мутон Ротшильд изумительного качества. На столах стояли бутылки водки и вино. Джун сидела близко от Путина, я сидел далеко за столиком с пятью олигархами.

– Лорд Ротшильд тоже был там?

– Нет, его не было. Если бы он был, то мы бы наверняка с ним беседовали до ужина.

– Кормили вас там по-русски?

– Да, пища была классическая русская: икра, холодные салаты, крабы и многое другое. Все олигархи за нашим столом пили водку. До вина они не дотронулись. Да, очень

умные, шустрые, могучие русские олигархи, но нецивилизованные. Но им на это наплевать.

– Это ведь не тот прием с Путиным в Лондоне, где была королева?

– Нет, это был личный прием Путина. У королевы был государственный прием с огромной церемонией, которая стоит 2 миллиона долларов. Это изумительное представление с трубачами, фанфарами. Таких приемов в Лондоне бывает только один или два в год. Это очень дорогое и редкое удовольствие.

– Вы там были?

– Да. У меня даже сохранился план рассадки. Моя супруга Джун там сидит ближе к королеве, потому что она английская аристократка. Я сидел дальше рядом с главой оппозиции – социалистом.

– Нескучная компания для монархиста. На приеме у королевы свое место за столом вы узнаете, как обычно, на информационных стендах?

– Да, это указано на плакатах у входа в столовую, где гости обозначены по алфавиту, а рядом с фамилией написано место, куда им нужно направляться в обеденном зале.

– На этом банкете были послы некоторых стран: США, Франции, Германии, Греции. Их присутствие там понятно. Но почему там был посол Кувейта, занимая одно из первых мест за столом?

– Потому что посол Кувейта прослужил в Англии более 20-ти лет. Он был старейшим послом в Лондоне, как Анатолий Добрынин, посол СССР в США, был старейшим послом в Вашингтоне.

– Все начинается с коктейля?

– Иногда коктейль длится час, что для меня безумно утомительно, потому что я не пью. Но многие люди приходят туда именно ради этого общения, потому что потом вы прикованы только к двум соседникам – слева и справа. А так целый час до этого можно свободно общаться. Затем после ужина в Англии мужчины и женщины разделяются. Мужчины остаются курить сигары

Никита Лобанов-Ростовский. Цюрих. 2007

и пить кофе. Дамы уходят в гостиную пить кофе, чай, ликеры. Для меня это утомительно. Например, мы идем сегодня вечером на ужин, который начнется в 19:30, а прийти мы туда должны в 18:30, чтобы люди успели выпить шампанского. Прием у Путина тоже начинался с коктейля.

– Как жить трезвому человеку? Вам приходится часто бывать на различных приемах.

– Я могу пригубить, поднять бокал и высказать мнение. Либо же промолчать.

– Подобных вам трезвенников вы часто встречали?

– Нет. Среди наших знакомых я не знаю никого. Мне очень импонировал пример барона Фальц-Фейна. Он не пил ни кофе, ни алкоголя и занимался интимностью не чаще

раза в неделю по совету своего дедушки. Дожил он до 105-ти лет и кончил неестественной смертью. Он мог бы прожить еще 5 лет, и частично, я думаю, все вышеперечисленное способствовало его долгой жизни. Трезвость никак не мешала ему в социальном мире.

– Кто из людей, которых вы встречали, впечатлил вас больше всего?

– Билл Клинтон, сэр Исая Максимович Берлин, Иосиф Бродский и мой дядя – герой Французского сопротивления Николай Васильевич Вырубов.

– Сальвадор Дали в этот список не входит?

– Гениальный художник, умный, чокнутый эксцентрик. Я не воспринял у него абсолютно ничего.

Гоги Маргвелашвили

«МЫ ЖИВЕМ ИЛЛЮЗИЯМИ...»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Каждую новую режиссерскую работу Гоги Маргвелашвили зрители – и в их числе автор этого текста – ждут с нетерпением. Ведь его вдумчивое, кропотливое отношение к литературному материалу, творческое, плодотворное взаимодействие с актерами во время репетиций, способность к неожиданным трактовкам и широким философским обобщениям, как правило, дают интересный результат. Две его последние постановки на сцене Грибоедовского театра – тому очередное подтвержде-

ние. Русский классик Николай Гоголь и современный польский драматург Ингмар Вилквист. Казалось бы, как они далеки друг от друга! Титулярный советник Поприщин из «Записок сумасшедшего», словно несущий в своей душе всю мировую скорбь века XIX с прозрениями и предчувствиями, отсылающими в будущее, и потерянные герои пьесы «Ночь Гельвера» – из XX и уже XXI столетий. Эти герои пытаются выжить, спастись в мире зла и бездуховности, но в итоге погибают, уничтоженные

безжалостной машиной насилия и подавления воли. Толпа, агрессивное большинство не оставило никаких шансов на выживание ни Поприщину, ни персонажам Вилквиста – Карле и Гельверу.

«Нет врага хуже, чем толпа, в которой ты трешься. Каждый непременно либо прельстит тебя своим пороком, либо заразит, либо незаметно запачкает. Чем сборище многолюдней, тем больше опасности. И нет ничего губельней для добрых нравов, чем зрелища: ведь через наслаждение еще легче подкрадываются к нам пороки» – так звучит одна из сентенций Сенеки, изложенных в его «Нравственных письмах к Луцилию». А более всего подвержены опасности «заражения» слабые, неопытные, молодые, эмоционально неустойчивые люди. Таких легче всего призвать под свои знамена и повести за собой на недобрые дела. Как это происходит в спектакле Гоги Маргвелашвили «Ночь Гельвера», когда психически нездоровый юноша, попавший под влияние фашиствующих отморозков, пытается соответствовать, пусть пока и понарошку, требованиям новой идеологии – законам насилия и уничтожения неугодных, так называемых «сволочей», но в результате сам становится жертвой нацистов.

В работе над спектаклем «Ночь Гельвера» звезды, как говорится, сошлись. Умный, тонкий режиссер соединился в творческом процессе с такими же актерами – мыслящими, играющими ярко и самозабвенно, растворяющимися в своих персонажах. Это, безусловно, актерский спектакль. Но определение «актерский» – для тех, кто видит лишь сценический результат и кому неведом долгий, увлекательный и далеко не легкий путь, проделанный постановочной группой во главе с режиссером, чтобы выразить трагический излом времени и добиться максимальной органики жизни героев.

В спектакле сложился редкий тандем эмоциональной, глубокой актрисы Ирины Мегвинетуцеси и одаренного дебютанта Беки Медзмариашвили.

«Убить мужчину»

В камерном пространстве каждый из них чутко реагирует на мельчайшие оттенки сценического существования партнера. Карла – Ирина Мегвинетуцеси натянута как струна, звучание ее актерского инструмента передает весь спектр переживаний героини, несущей в своей душе страхи, муки прошлого и настоящего. Напряженные интонации голоса, тревожный взгляд, отражающие душевное смятение, переходы от состояния смирения, тихого отчаяния к эмоциональным вспышкам и, наконец, страшному, осознанному шагу – все эти перепады Карлы приковывают внимание зрителей – как и детская непосредственность Гельвера (Бека Медзмаришвили) и его горячие попытки отстоять свое человеческое достоинство и право на выбор.

Драма личная в «Ночи Гельвера» неотделима от трагедии социально-политической. Спектакль состоит из трех частей. В первой Гельвер, воодушевленный новыми установками, внушенными ему неким неформальным лидером Гильбертом, пытается опробовать их на Карле – готовит ее к войне, учит маршировать, ползти и т.д. Причем делает это довольно агрессивно, жестко, подражая «учителям», в итоге между

Гельвером и Карлой вспыхивает конфликт. Проницательная Карла – И. Мегвинетуцеси с ужасом осознает, к чему ведут новые общественные настроения: к массовым убийствам, расизму, уничтожению так называемых неполноценных – и ее пугает увлеченность Гельвера этими идеями. Но и «слабумный» Гельвер отнюдь не так прост (во всяком случае, именно таким он показан в спектакле Гоги Маргвелашвили): размахивая флагом, выполняя какие-то «военные» действия и заставляя это делать приемную мать, мальчик интуитивно, не сознавая того, пытается не только выжить сам, но и сохранить жизнь Карле.

Вторая часть – душераздирающая исповедь Карлы, некогда отказавшейся от своего больного ребенка и потерявшей все – любовь, чистую совесть, душевный покой.

В третьей части мы видим, как отчаявшаяся Карла пытается спасти Гельвера в страшную ночь погромов. Женщина отсылает его из города с инструкцией, как добраться до лечебницы, откуда она его забрала когда-то. Но Гельверу не удастся избежать своей участи – он возвращается домой, когда погромщики уже на пороге и спасения ждать неоткуда. Не-

избежна гибель и самой Карлы.

И опять – тема Поприщина. Зло в мире всеобъемлюще и беспощадно, человек не в силах ему противостоять, как-то защититься и защитить своих близких. В финале спектакля «Записки сумасшедшего» Поприщин – в психушке. Будучи на краю гибели, тщетно попытавшись спасти мир от надвигающейся катастрофы, он обращается к духу своей матери и умоляет ее о спасении от рук убийц. Но мама не в силах оградить свое дитя от вселенского зла... Не сумела сделать это и Карла...

– Гоги, чем вы руководствуетесь в первую очередь, выбирая литературный материал для спектакля?

– Выбор всегда связан с каким-то творческим риском, сомнениями, правильный он или неправильный, волнует данная тема еще кого-нибудь, кроме тебя, насколько она важна и интересна на этом этапе жизни и может ли быть материалом для актеров, которых ты займешь в спектакле. А главное – насколько твоё мироощущение совпадет со зрительским. Заранее это угадать очень сложно. Огромную роль играет интуиция. Всегда обращаешься к какому-то конкретному материалу, исходя из своего виде-

Дипломный спектакль Г. Маргвелашвили «Момент истины»

ния мира, своих интересов на этом этапе жизни. Но какие бы мы ни строили иллюзии о том, что четко знаем потребности зрителей, это не всегда себя оправдывает. В спектакле, казалось бы, затронуты очень актуальные, острые вещи, важные для всех, и общество, в котором ты живешь, обеспокоено этой проблематикой, но... сможешь ли ты сочинить такой спектакль, в такой форме, выстроишь ли конструкцию таким образом, чтобы тема по-настоящему задела, выстрелила? Если она не обретет определенную художественную форму, то так и не превратится в полноценный спектакль. Поэтому ты должен четко определиться, что ты хочешь, с чем выходишь к зрителям – ты вместе со своими актерами. К тому же если это не задевает актеров, они и работают по-другому – просто выполняют свой профессиональный долг. И такое бывало! Обычно не все, кто задействован в постановке, одинаково зажжены, не все в едином порыве, со страстью идут к цели. Такое бывает чрезвычайно редко. Важно, когда исполнители главных ролей – опорные фигуры – по-настоящему нацелены на творческий результат, чтобы донести

до зрителя то, ради чего затевается постановка.

И я всегда стараюсь иметь дело с хорошей драматургией, качественным литературным материалом. Хорошая драматургия – если не полдела, то, по крайней мере, одна треть. Она сама подсказывает и имеет хорошо выстроенную струк-

«Старший сын»

туру, которую нужно перевести на язык действия. Лучше всего работать с классикой. Разумеется, мы называем классикой не все, что было написано на протяжении истории человечества, в классику превратилось лишь энное количество произведений. Это такая выжимка из тысяч разных пьес. Они и признаны классикой, потому что всегда актуальны. В этом все и дело – это лучшее из лучшего. В европейских традиционно театральные страны пьес было сочинено несметное количество, а переходит из поколения в поколение, из века в век лишь определенная часть. Какой-нибудь автор, возможно, создал гораздо больше пьес, чем сохранилось в театральном репертуаре до сегодняшнего дня. У любого драматурга есть энное количество пьес, написанных ради хлеба насущного, однодневки. Невозможно, чтобы все выдержали испытание временем. Если подсчитать, сколько пьес написал Жан Ануй и сколько осталось в мировом репертуаре, то разница довольно ощутимая. Это касается не только Ануй, но и великого Шекспира. Чтобы все написанное автором или поставленное режиссером было одного и того же высокого уровня? Такого просто не может быть. Если даже тот же

«Игроки»

режиссер работает не очень активно и не выпускает много спектаклей, в этом небольшом количестве всегда есть более удачные и менее удачные работы. От этого никуда не уйти.

– Насколько ваш первоначальный замысел трансформируется в процессе работы над спектаклем? Или в основном все задуманное сохраняется?

– Начнем с того, что я всегда стараюсь не вмешиваться в авторский текст – разве что делаю купюры. Когда в этом возникает необходимость, конечно. Но чтобы что-то досочинить, добавить от себя, что-то перевернуть с ног на голову? Я стараюсь этого избегать. Более того: я практически никогда подобного не делаю. Разве что изредка из текста другого произведения того же автора могу что-то использовать как цитату. Но и от этого стараюсь уходить. Потому что хорошая драматургия, как правило, не требует подобных вещей. Правда, есть один момент: когда происходит адаптация и перенос событий пьесы из прошлого в наше время или в другую страну, особенно если речь идет о Грузии. Определенную специфику взаимоотношений людей приходится учитывать и что-то корректировать.

Что касается трансформа-

ции первоначального замысла... Иногда он в чем-то действительно меняется. Репетиционный период тем и интересен, тем и прекрасен, что ты уже вместе с актерами начинаешь работать над воплощением своей идеи, переводить на язык действия то, что придумал, отталкиваясь от драматургического текста. Если труппа включается в этот процесс с большим интересом, если ты обладаешь роскошью работать с опытными, сильными актерами, которые вместе с тобой фантазируют, то репетиция становится очень увлекательным процессом. Часто такие актеры могут подсказать лучший ход, и он может кое-что изменить. В целом концепция тоже может трансформироваться, хотя все-таки подобное случается достаточно редко. Но изменить кое-что, внести корректуру – вполне нормально. Это всегда живой процесс. Нужно быть дураком или очень злым человеком, чтобы, признавая, что предлагаемое актером лучше, не принять этого и просто отрицать из тупого упрямства – нет, я сказал так, и будет только так. Когда ты видишь, что придуманное актером дает явно большие возможности для развития действия, то, конечно, его идеи нужно принять. Спустя две-три репетиции, когда ты уже не за столом, когда репетиции

идут в выгородке и можно что-то попробовать. Но бывает иначе: видишь, что идея сама по себе интересная, заманчивая, но дальше этого дело не идет. И ты идешь по тому пути, который кажется лучшим.

Репетиции – это поиск, в котором участвуют все. Актеры – это главные люди. Что бы режиссеры, авторы ни придумали, они во время спектакля остаются за кулисами, а на сцене стоят актеры. Если актер настоящий, а не просто работает актером, то он обязательно сочинитель. Актеры, которые на репетиции что-то предлагают, пробуют разные варианты, а не просто произносят текст, сразу заметны. Очевидно, кто дома работал, а кто нет. Во всем мире есть актеры, которые оставляют роли в театре, в гримерке, самостоятельно не работают. Считают: сделаю так, как смогу, то, что скажет режиссер. К счастью, есть и другие, но их, увы, меньшинство: они приносят на каждую репетицию роль, испещренную заметками, вопросами, вариантами, предложениями. Видно, что человек работал. Возможно, большая часть того, что он предлагает, не лучше того, что придумал режиссер, но факт, что актер мыслит. Если ты имеешь дело с такими личностями, безрезультатно это никогда не остается. Потому что

такие артисты всегда партнеры в творчестве. Их в театрах немного — разве что несколько человек. Но именно на них держатся театры. Так во всем мире происходит! Ни в одной труппе нет, не было и никогда не будет три четверти таких актеров. Идеальной труппы не существует. Рассказывают легенды про МХАТ. Охотно верю, но только как в легенды.

— Вас иногда называют режиссером-педагогом, потому что во время репетиций вы уделяете много внимания тщательной работе с актерами. Другие режиссеры предпочитают, чтобы актер схватывал все на лету и легко воплощал режиссерскую установку в действие. Как вы считаете, как долго необходимо работать с каждым актером, добиваясь нужного результата? Или хороший артист должен быть мобильным и самостоятельным в своем творчестве?

— Я понимаю позицию режиссеров, которые считают: «Я объясняю что-то актеру, и он должен выполнить все сам. И чем меньше я на него потрачу времени, тем лучше!» Но это не потому, что режиссер не умеет с ними работать. Это просто такая постановочная стилистика. Подобных режиссеров обычно называют режиссерами-постановщиками. Конечно, все режиссеры — постановщики. Но есть те, кто работают быстро, жестко. Имеют жесткий график. У таких режиссеров репетиционный процесс более динамичный. Они больше внимания уделяют именно постановочной части, форме спектакля. У них несколько иной режиссерский инструментарий. Много, обильно, агрессивно используются вспомогательные средства — свет, звук, фонограмма, собственно сценография. Она более трансформируемая, динамичная. Но существуют другие режиссеры, для которых все вертится, крутится и собирается вокруг актера. Он должен быть, действие должно быть выстроено так, чтобы все остальное — свет, звук, художественное оформление, было вспомогательным, а не доминирующим. Чтобы актер был

«Записки сумасшедшего»

не наравне с другими постановочными элементами, а основным. А все остальное, в разной мере, в разной пропорции, ему при этом только лишь помогало. Но для этого нужно гораздо больше времени — для выстраивания четкого событийного ряда. И намного больше времени требуется для работы над взаимоотношениями между персонажами, до мельчайших нюансов, выстраивания каждого характера по отдельности. И потом всех тех конфликтов, которые возникают в процессе развития действия, борьбы характеров, разных позиций, интересов, ведь у каждого своя сверхзадача, своя цель и свой путь. Кроме того, каждый из персонажей пробует разные способы достижения целей. Все это можно выстроить, отработывая каждый нюанс, каждую оценку, ход, до мельчайших деталей структуры поведения каждого из персонажей. Во всех сценах. Конечно, можно работать и мощными мазками, когда ты не заморачиваешься на нюансах, деталях, когда собираешь всю картину в целом. Это разная стилистика, разное отношение к сущности режиссуры. Есть великолепные режиссеры, которые работают вот так, а есть другие — они используют вместе с актером весь тот инструментарий, который сегодня имеется в руках режиссеров: разного

рода технологические новшества, шумовые, световые эффекты, машинерию и т.д. Они, как правило, выстраивают большое, масштабное зрелище. Век сегодня другой, все происходит в бешеном темпе. Кто-то старается не отстать. Быть в тренде — сейчас на это спрос: такой театр, такое кино... И режиссеры идут в ногу со временем.

Хочу отметить один момент. Есть режиссеры, склонные к камерному мышлению, камерному формату. Как правило, в этом формате главное — актер, взаимоотношения между персонажами. Но существует другой театр — зрелищный, агрессивный, brutальный. И есть режиссеры, которые успешно работают в таком формате. Это не значит, что они не умеют работать в камерном жанре. Просто им больше по душе масштабность, зрелищность. Таким постановщикам кажется, что именно это сегодняшний театр. А самое главное — он привлекает большее число зрителей. Но камерный театр на то и камерный, чтобы собирать небольшое количество публики. И это не соревнование, что лучше. Просто один работает в камерном формате, другой — на большой сцене. А большая сцена требует другого мышления, иной формы, инструментов. Большая сцена — это огромное пространство, которое надо наполнить

действием. При том на большой сцене те нюансы, которые великолепно видны в камерном театре, даже и не заметны. Так что, как правило, пространство диктует свои условия. Это не вопрос, кто лучше, дело в другом: кому что ближе, по душе, и у кого что лучше получается.

– В камерном формате работали Анатолий Эфрос, Михаил Туманишвили.

– Да, но Туманишвили ставил и на огромной сцене. Как и Анатолий Васильевич. Это не приговор, что ты работаешь в том или ином формате. Большинство режиссеров ставят и на большой, и на малой сцене. Важно, где они себя более комфортно чувствуют. Пространство – огромный фактор. Мне комфортнее работать в камерном формате.

– Именно в этом формате на грибоедовской сцене вами был поставлен спектакль «Ночь Гельвера» И. Вилквиста. Расскажите, как вы пришли к этому автору, к этой теме?

– Я не читал пьесу до того, как мне ее рекомендовал к постановке директор театра Грибоедова и президент Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий. Познакомившись с материалом, я понял, что могу попробовать сделать из этого спектакль. Пьеса И. Вилквиста написана добротно, драматургия хорошая, да и тема цепляет. И это давало возможность перевести ее на язык действия. С самого начала было определено, что в спектакле будет играть великолепная актриса Ира Мегвинетухуцеси. Реально эта роль ей идеально подходила. Был вопрос, кто будет играть ее партнера. В пьесе два действующих лица – мужчина и женщина. Партнеру Иры должно было быть лет 35-40. Но мы решили, что наш герой будет совсем молодой парень. И вот тут появился начинающий актер Бека Медзмаришвили, который к тому времени только вернулся в Тбилиси после окончания Щукинского училища. Он и выступил в роли Гельвера. В спектакле сложился прекрасный альянс опытной сильной актрисы и молодого актера, дебютанта.

– Спектакль прозвучал пронзительно, остро. О чем вы

ставили?

– Акцент, который мы выстроили: недопустимо, чтобы человек или группа людей, даже большая группа, только от того, что она отличается от других своим национальным происхождением, вероисповеданием, социальным положением, физическим состоянием и т.д., была объявлена вне закона в том обществе, в котором находится. Преследовать, истреблять – чудовищно! Вообще

мира таково: другой всегда представляет собой отрицание моего и потому враждебен мне.

– Насколько свободен человек в своем выборе?

– У человека, находящегося в каждодневном контакте с людьми своего социума, не такой уж большой выбор. Думаю, что выбора у него просто нет. Единственное: когда человек решает удалиться, покинуть социум. Со-

«Ночь Гельвера»

способ решать какие-то вопросы путем насилия не приведет ни к чему, кроме насилия. Еще большое насилия. Но человечество с завидным постоянством повторяет одну и ту же ошибку, наступает на одни и те же грабли. Оно имеет определенные задачи, и как только в процессе осуществления этих задач возникает какое-то непреодолимое на тот момент препятствие, принимает решение применить силу, обострить ситуацию и войти в острейший конфликт для того, чтобы добиться своих целей. И так будет продолжаться всегда. Я пессимист... Конфликты будут вспыхивать и гаснуть то там, то здесь... и процесс этот нескончаемый... Хочу вспомнить утверждение писателя и философа Жан-Поля Сартра, для которого устройство

всем. Стать отшельником.

– Вопрос, без которого не обойтись: над чем вы сейчас работаете?

– В театре киноактера имени М. Туманишвили ставлю пьесу Луиджи Пиранделло «Это так (если вам так кажется)» («Così è (se vi pare)»). В этом названии уже читается главная идея: мир таков, каким он нам кажется, и он для всех разный и существует в нашем воображении. Мы рисуем свои картинки, живем в разных реальностях, верим в свои придуманные истории, играем их в соответствии со своими способностями. Мы живем иллюзиями, а за иллюзиями нет ничего, до истины никому не добраться. А может, не стоит и стараться?

Роберт Мрикотенко

«ЗОЛОТОЙ» ЧЕЛОВЕК С ЗОЛОТЫМИ РУКАМИ

■ Елена ЖГЕНТИ

Это событие должно было произойти непременно в Тбилиси – 23 июня 1937 года на благословенной земле, окропленной молодым вином и соком томящихся на мангале родилась Роберт Мрикотенко. Потом, спустя много лет, он станет признанным ювелиром и реставратором, народным мастером Грузии, участником международных выставок и коллекционером, автором вышедшей в

Израиле уникальной книги. Изделия, созданные его руками, будут подчеркивать блеск звезд театра, телевидения и эстрады, оттенять строгие костюмы международных политиков, украшать наряды благородных дам...

А пока тбилисский юноша, чьи ранние годы пришлись на военное и послевоенное время, восхищался талантом Нико Пиросмани, Якова Николадзе,

Мосе Тоидзе. Их творчество будоражило воображение молодого мастера, первые работы – чеканка, филигрань, чернь, гравировка, резьба – пронизаны закавказским колоритом. Вначале Роберт увлекся искусством перегородчатой эмали. Такая техника не была популярна в советской Грузии. Да и тотальный дефицит делал изготовление изделий с художественной эмалью практически

Роберт с супругой Эммой Гольденберг

ное, они свободны. В мое время, чтобы изготовить изделие из серебра, нужно было кучу бумажек добыть. А за тоненькое золотое кольцо, вообще, тюрьма. А сейчас – работай в свое удовольствие. Вот только лениться не надо. Я в свои 85 лет, как просыпаюсь, сразу в мастерскую бегу. Даже в выходные!»

Несмотря на то, что Роберт не получил специального ювелирного образования (его основным родом занятий были исследования в области оптики и геодезии), за талант и собственный художественный почерк в 1968 году ювелиру-самоучке было присвоено звание «Народный мастер Грузии». Увидев работы умельца, легендарный грузинский художник Гурам Габашвили стал его покровителем: ввел в Художественный совет художников Абхазии, способствовал в организации выставок за рубежом.

В начале 90-х, когда жизнь стала неопределенной и пустой, Роберт вместе с супругой Эммой Гольденберг, много лет проработавшей в Театре имени А. Грибоедова, и сыном Дмитрием решили эмигрировать в Израиль. Разумеется, рассчитывать на безоблачное будущее в новой стране было непросто. Но уже через несколько месяцев мастер вошел в состав делегации, представляющей Израиль на Международной выставке в Базеле (Швейцария).

Отсутствие специального образования не стало для него преградой в совершенствовании ювелирного искусства, дизайна, а также нового увлечения – реставрации старинных серебряных декоративных предметов. В 2013 году в Израиле вышла книга Мрикотенко «История европейского серебра», которая очень быстро разошлась среди коллекционеров и студентов художественных училищ.

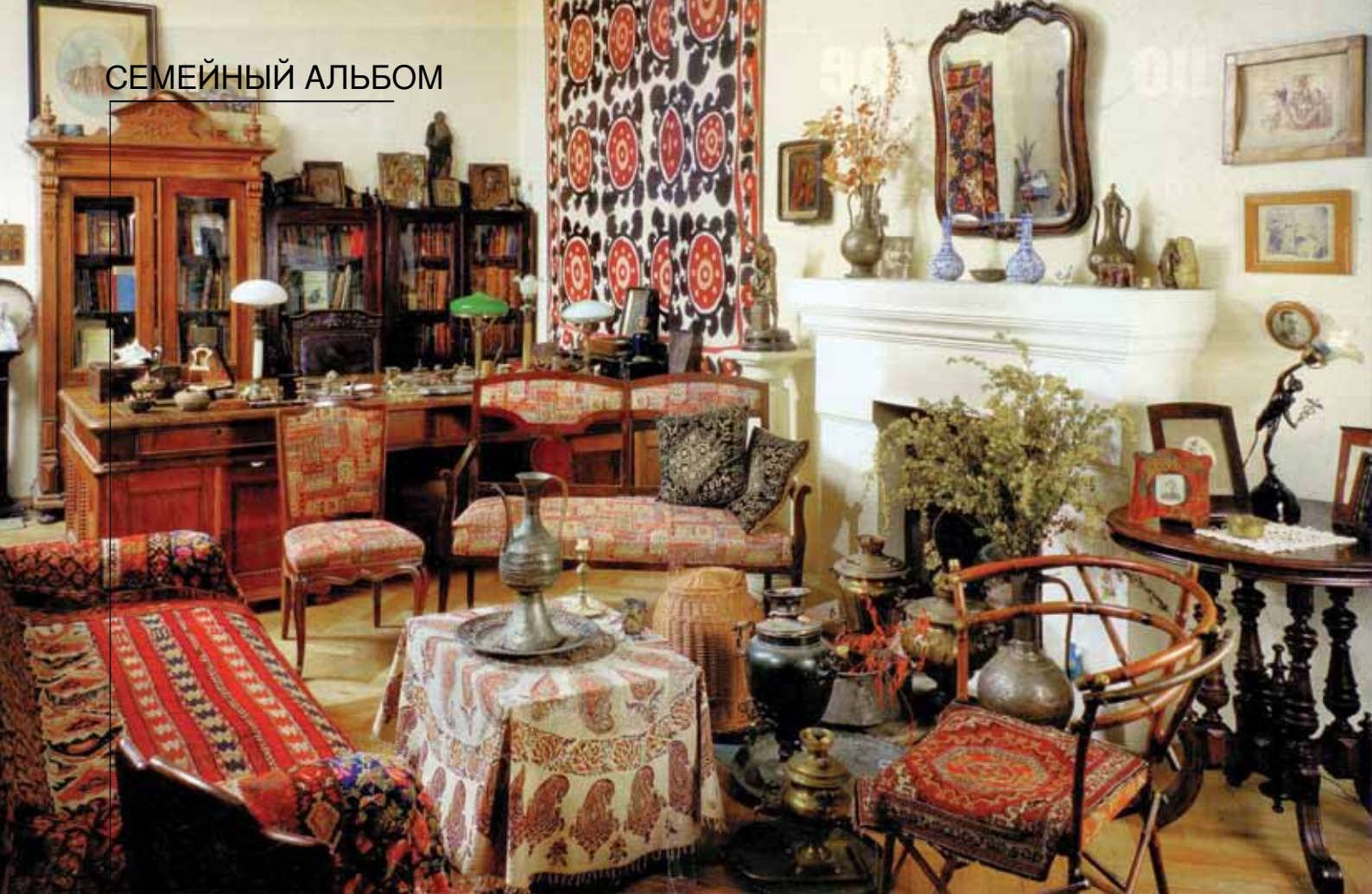
Сегодня Роберт Николаевич находится в отличной творческой форме, продолжая радовать нас своими работами. В прошлом году он приехал в родной город. «Не скучаете по Тбилиси?» – спросила я его. Он задумался на мгновение, а потом тряхнул копной белых, как утренний снег, волос и процитировал Николая Заболоцкого:

– Что случилось
сегодня в Тбилиси?
Льется воздух,
как льется вино.
Спят стрижи
на оконном карнизе,
Кипарисы глядят в окно.
Сквозь туманную
дымку вуали
Пробиваются брызги огня.
Посмотри на меня,
генацвале,
Оглянись, посмотри на меня!

По его щеке скатилась слеза...

невозможным. Приходилось самому изобретать составы эмалей, путем проб и ошибок подбирать нужную температуру их плавления.

Сегодня, проходя мимо тбилисских ювелирных магазинов, Роберт Николаевич останавливается у витрины с роскошными работами в стиле «минанкари»: «Завидую молодым белой завистью. Что ни работа, то шедевр. Современные грузинские ювелиры – замечательные мастера. И вкус у них отменный. А глав-

ХРАНИТЕЛИ. КОВЧЕГ ГЕДЕВАНИ

— Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

Так случилось, что в 1984 году я приехала из Перми в Тбилиси, жила здесь десяток лет и сейчас продолжаю приезжать. Влюбилась в город. Неудивительно, такое происходило и происходит с русскими со времен Пушкина, Грибоедова, Пастернака... Город очень разный, европейский и восточный, древний и новый, живой, даже легкомысленный. Очаровательный... Но при всей легкости присущего ему грузинского характера, Тбилиси – город вечный. И вот с годами начинаешь понимать, что у этой тбилисской вечности были есть и, надеюсь, будут – хранители. У поэта Галактиона Табидзе есть стихотворение, которое начинается строкой: «Я люблю все старое...».

«Старое» не в смысле «устаревшее», а напротив – давно и навсегда необходимое, то есть – бессмертное, как душа.

В конце девяностых годов прошлого века я предложила московскому журналу «SALON-interior» пять статей об интерьере старых тбилисских домов. В основном – о домах моих друзей. Статьи с фотографиями были напечатаны, но, увы, у меня журналы потерялись. Однако почти через четверть века один нашелся! У Мананы Гедеванишвили. Она его сохранила. Статья в № 3(19) 1998 года называлась «Рецепт тбилисского доктора». Доктор – Михаил Гедеванишвили – был дедом Мананы.

Начиналась статья так: «В конце девятнадцатого века молодой тбилисский врач хорошей фамилии заказал молодому немецкому архитектору дом. Доктор был человек не бедный, образование получил блестящее, стажировался в Париже при клинике знаменитого физиотерапевта месье Шарко (помните душ Шарко?) На первом этаже нового дома он разместил новейшую по тем временам частную клинику, специально для которой из Франции доставили первый в Грузии, а то и в Российской империи, рентгеновский аппарат. Это был 1896

год – год спустя после открытия «X-ray» лучей. И так же, как в клинике собирались на консилиумы лучшие врачи Тбилиси, в квартиру доктора на втором этаже приходили самые блестящие, самые талантливые и красивые господа и дамы, жившие и приезжавшие в те времена в Тифлис.

Новый дом замышлялся молодым хозяином как ковчег, на котором его потомки пересекут океан двадцатого века...»

Более века спустя Резо Габриадзе, считая великим открытием рентгеновские лучи и от-

Михаил Гедевани

давая должное вкладу Михаила Гедевани в это дело, издает книгу, которая отражает не только личность Гедевани, но и эпоху, и жизнь Тифлиса того времени. Издание стало очень популярным и было высоко оценено литературными критиками.

МАНАНА, внучка тбилисского доктора... 1998 год. Помню, как это было, как меня с двумя фотографиями впустила совершенно прекрасная хозяйка. Столетний дом остолбенел от обилия наших прожекторов и штативов... Но Манана не дрогнула. За полчаса, пока парни ставили аппаратуру, она напоила меня чаем и рассказала самое очевидное, самое теплое о доме, его обитателях, о своем дедушке – тбилисском докторе, построившем дом. Улыбнулась и улетела по делам, оставив мне московский телефон, где я найду ее, чтоб

уточнить текст... Меня всегда завораживал этот ее способ жить – независимо, как бы всегда легко, но вполне ответственно. И действительно, я ей позвонила, и мы уточнили текст в Москве. Она помнила все свои обещания и никогда никуда не опаздывала. Но еще и этот ее сияющий взгляд – тоже заворожил... Не даром Манану Гедеванишвили писали лучшие художники Грузии... Они не только рисовали ее, но и становились друзьями.

Что я знала о ней еще? Манана, как и дед, по образованию врач, преподавала в мединституте. И отец ее, Дмитрий Гедевани, был крупный ученый и лечащий врач, академик медицины, но в то же время – светлоглазый денди, обаятельный человек, окруженный людьми искусства. А мама – Тамара Цицишвили была красавицей и кинозвездой 40-50-х годов, тихая интеллигентная женщина. Но такая, что стоило ей с дочкой выйти на прогулку, как за ними выстраивалась череда незнакомых поклонников, мужчин и женщин... А знаменитый художник Ладо Гудиашвили, получивший заказ расписать церковь Квашвети на проспекте Руставели, и художник написал лик Богородицы с лица Тамары Цицишвили, чей замечательный портрет он создал до того.

Вот с такими родителями, в такой семье, в таком доме выросла Манана. Дом я описала в статье. Но даже и не подозревала, насколько в роду Гедеванишвили все еще чудесней, чем в интерьере дома... Семья эта связана с Историей христианства и Грузии до невероятной глубины веков...

По-настоящему близко мы познакомились с Мананой уже в «новом тысячелетии», на выставке живописи нашего общего друга, художника и актера Жанри Лолашвили... Счастливые были встречи, и мы счастливо подружались. И тогда, постепенно, я стала узнавать, какие память и время хранятся в доме-ковчеге. Почувствовала, какая бездна за хрупкими плечами Мананы... Весь этот, не разрушившийся, устоявший в бурях двадцатого века дом-ковчег – вместе с нынешней хозяйкой – хранят образ не только всех тех, кто здесь жил, читал книги и чтит историю, ра-

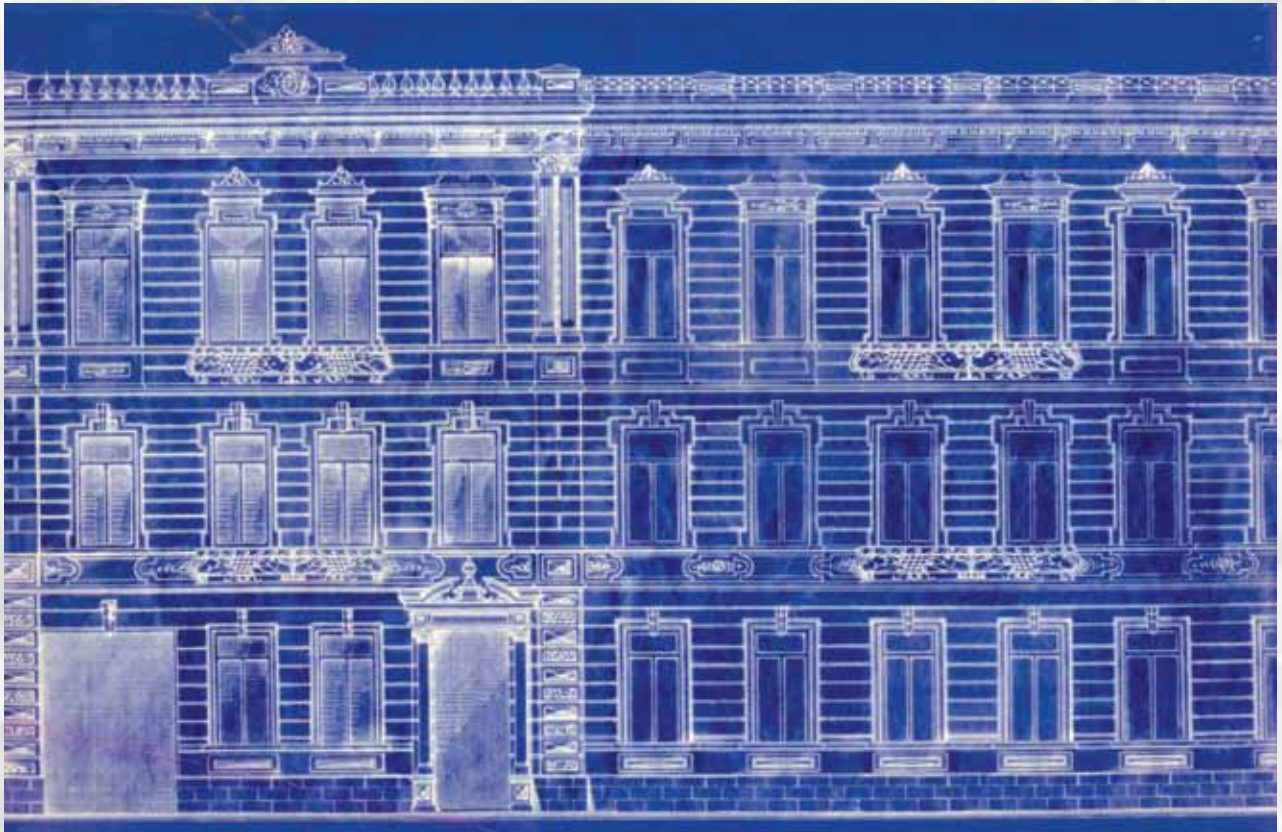

Светицховели. Фрагмент фрески XVII в. Элиоз с Хитоном в руках

ботал за огромным письменным столом, любил, страдал, учился за границей. И всегда привозил свои знания в Грузию, играл вот на этом рояле, был избирателем вместе с Ильей Чавчавадзе от Тифлисской губернии в первой Государственной думе, создал первый в Грузии детский сад, где вопреки запрету властей преподавание велось на родном грузинском языке и обучение было бесплатным. А еще уходил в военные походы, пил вино за просторным круглым столом в большой гостиной, учил студентов, бедствовал со всеми во времена революций, террора, войн и эпидемий, и всегда лечил, спасал людей... А когда был маленьким,

Герб фамилии Гедеванишвили

Проект дома Гедеванишвили. Арх-р А. Миллер

ходил (или ходила) под столетний стол пешком – вон с той куклой с фарфоровым лицом, что и сейчас чинно сидит в прихожей...

Подсчитала: Манана – внучка тбилисского доктора, у нее дочь Кети, внуки и правнуки. Шесть поколений. Но прошлой осенью для меня выяснилось: у этого дома, как врачи говорят, в анамнезе – родовая память трех тысячелетий... Мы встретились просто из-за небольшой статьи в журнале «Салон». Потом еще несколько дней общения осенью 2022-го. И все глубже и дальше, следуя за Мананой и историей ее рода, я попала в глубь времен, начиная – с библейских. Фотографов со мною не было – только телефон, которым я кое-что и снимала.

ГЕРБ... Бродский писал: «Бог помнит все, особенно слова...». Если вместо Бога написать Дом – то это будет именно про дом Гедеванишвили. Содержимое этого жилища – не просто интерьер. Все в нем, от мебели, картин, утвари, посуды и, особенно, архивов, это, в сущности – буквы, слоги, слова и притчи истории Грузии на пути к христианству, государственности и культуре во всех проявлениях. В слове – тоже.

Вот дочь Мананы Гедеванишвили – Кети Кобулия, архитектор, живет вместе с матерью, сидит за столом своего прадеда. А на стене, над ее головой, висит герб рода. Рассмотрим его внимательно. В центре – одеяние, Хитон Христа. Вокруг него: скрижали Ветхого завета, митра и жезл священника, ключи – знак владения и хранения, знамя и меч – государство и воинство. Герб рода Гедеванишвили был утвержден и внесен в реестр Российской империи после заключения Георгиевского Трактата в 1783 году, но его содержание формировалось веками до этой даты. Сам род восходит к временам библейским, к пятому из четырнадцати судей Иерусалимских – к Гедеону.

ПУТЬ ХИТОНА ХРИСТА... Гедеон, один из судей Израиля, победив многолетних врагов – мидиан, с помощью Всевышнего, в XI в. до н.э. правил Израилем сорок лет, и это были годы мира («Книга Судей»). За шестьсот лет до н.э. Навуходоносор разрушил Иерусалим и храм. Многие жители навсегда покинули Святую землю. Среди них и потомки Гедеона. Они остановились у древней столицы Иверии, города

Мцхета, их встретили приветливо, наделили землей.

Прошло еще несколько столетий. В Иудее при царе Ироде родился в Вифлееме мальчик, которого назвали Иисус. С тридцати лет он проповедовал с апостолами в землях вокруг Иерусалима и в нем самом... В те времена в далеком краю, во Мцхете, первосвященником еврейской общины был Элиоз, потомок потомков

Манана Гедеванишвили с Тенгизом Мирзашвили и картиной Пиросмани

Манана Гедеванишвили с Михаилом Кобахидзе

Гедеона, переселившихся в Иверию. Он ежегодно бывал в Иерусалиме. Слышал ли Элиоз рассказы о Христе, знал его сам? С кем говорил о нем?.. Скорее всего – знал и говорил, потому что, когда приблизилось время суда над Иисусом, Элиоза вызвал в Иерусалим первосвященник иудейский Анна, который выступал за казнь Христа. Элиоз прибыл в канун Пасхи, но не принял участия в суде над Спасителем, потому что видел в нем возможного Мессию. Элиоз стал свидетелем всего, что происходило в ту Пасху: и муки Христовы, и смерть... По римской традиции, одежду приговоренных к распятию раздавали народу по жребию. Хитон Христа достался пришельцу из дальней страны. Элиоз понес его в Мцхету как святыню. Таким образом потомок Гедеона вместе с Хитоном впервые принес в языческую Иверию весть о Спасителе.

Во Мцхете Элиоза встретила сестра его, Сидония, знавшая о Христе, она за тридцать земель чувствовала его муки на кресте. Приняв из рук брата Хитон, Сидония прижала одеяние Спасителя к груди и тут же испустила дух. Никто не смог отнять Хитон Христа из рук скончавшейся. Свидетелем случившегося был иверийский царь Адеркий, он повелел похоронить Сидонию вместе с Хитоном в царском саду во Мцхете. На могиле выросли благоуханные цветы и ливийский кедр.

ПОСТУПЬ ВРЕМЕНИ... Эта неспешная поступь разрушает память людей. Но род детей Гедеона два тысячелетия хранил память великих событий. В четвертом веке новой эры святая Нина по велению Пресвятой Богородицы, явившейся ей во сне, идет по свету, ищет страну, где должен находиться Хитон Спасителя. Она долго искала место захоронения Хитона и наконец с Христовой проповедью пришла в Грузию. Те, кто встречал ее, рассказали, что Хитон во Мцхете. Нина нашла место захоронения Сидонии, не велела его разрывать, оставила нетронутым. Во Мцхете грузинский царь Мириан вместе с женой приняли от святой Нины крещение. И поныне грузинская церковь упоминается как «церковь Хитона Христа».

Так в 326 году Новой эры Грузия стала христианской страной и хранительницей Хитона Христа. А на месте его вечного хранения во Мцхете в скором времени появился первый деревянный храм, в IV веке царь Грузии построил монументальный собор Светицховели, религиозный и культурный центр жизни Грузии. Все эти события были описаны в книге «Картлис Цховреба» («Житие Грузии») первосвященником мцхетских евреев Авиафаром и дочерью его Сидонией, принадлежавшими роду Гедеона.

Когда Манана Гедеванишвили узнала, что я готовлю эту статью, она предупредила меня рукописной запиской: «Анна! Не

перепутай! В I веке нашей эры были Элиоз и его сестра Сидония, что и сейчас лежит с хитоном под Светицховели... А в IV веке был потомок Элиоза Авиафар и его дочь Сидония. Две Сидонии часто путают!..» Испытываю к этой записке (как и к Манане) нежность. И отца, и дочь – обоих крестила святая Нина. Они были ее первыми учениками в вере. Авиафар усердно проповедовал Христианство, известно, что принявший крещение царь спас его от побоев камнями язычниками. В церковных текстах Авиафара называли Новым Павлом, а Мцхету – Новым Иерусалимом.

Имя Гедеон за многие века стало в Грузии звучать как Гедеван (так Иоаны в России стали Иванами), и фамилия изменилась соответственно. Но до XVI века люди этого рода носили двойную фамилию – Гедеоновы-Элиозовы. На протяжении последующих веков сохранилось немало исторических свидетельств о том, что род не прекращался и служил Грузии – в церковных книгах, в старинных государственных документах и относительно недавних научных публикациях. В 2009 году при реставрации и реабилитации всего комплекса Светицховели археологи дошли до самых глубин алтарной части храма, там был обнаружен хорошо сохранившийся гроб Сидонии, который не был открыт археологами и

В гостях у Мананы Мераб Мамардашвили и Николай Цицишвили

остался нетронутым...

Множество материалов об этом и сейчас, и вечно будут храниться в библиотеках и архивах как Грузии, так и других стран. Не все они переведены на русский язык, однако Русская Православная Церковь, как и другие христианские церкви мира, с глубоким уважением относятся к грузинской истории и к ее священным реликвиям.

Но вот что я думаю, вспоминая любимый мною дом тбилисского доктора Михаила Гедеванни. В нем есть нечто драгоценное и самоценное. Он, действительно, как ковчег, прибыл со всем своим огромным, живым грузом памяти и любви, он до нас с вами добрался... Не чудом, а старанием и жизнью людей-хранителей. И, верю, в согласии с волей Божьей. Не эта ли воля тысячелетия вела славный род детей Гедеона по их историческому пути?

Простым людям, даже верующим христианам, нередко холодно становится от слов Вечность, История, Житие... Житие, История – это ведь то, где нас с вами как бы и нет. Там все было до нас... А в доме Мананы, пока он стоит и живет своей таинственной жизнью – ВСЕ МЫ ЕСТЬ, во всяком случае – можем быть и в будущем, здесь, в чудесном городе Тбилиси. Если он сохранится впредь, весь как есть... Да, такая вот семья. Такой дом. Да, он сохраняет все. В том числе и

слова: стихи, прозу, библейские тексты и живые голоса всех времен. Историю Грузии. Историю и России, и Европы, и Азии. И просто истории людей, которых забыть – невосполнимый грех.

Манана рассказывала мне прошлой осенью замечательную, простую правду из жизни не только рода, а просто семьи, а также друзей семьи, и даже соседей... Вот старая фотография: портрет прекрасной молодой женщины, ее звали Анастасия Гедеванишвили. Она боролась за выборное право женщин, а в доме своего мужа, в этом самом «доме тбилисского доктора», создала и открыла первый в Грузии детский частный сад, который в начале двадцатого века готовил детей

С Анной Бердичевской

Кети Кобулия

для поступления в классическую гимназию... Долгое время сад был под патронажем писателя Акакия Церетели и Якова Гогешашвили, создавший одну из самых почитаемых книг Грузии – «Дэда эна» («Родная речь»), которой даже установлен памятник. На протяжении многих лет Яков выплачивал особо нуждающимся ученикам стипендии из собственных средств...

Но сейчас мне хочется рассказать другую небольшую историю, о совсем, вроде бы, небольшом, частном событии в двадцатом веке, произошедшем с самой Мананой.

ГАЛАКТИОН И МАНАНА... В 1957 году, совсем юная, она ехала с одноклассниками в автобусе из Тбилиси в Цхнети. И в одном из пассажиров неожиданно для себя узнала поэта Галактиона Табидзе. Он сидел и смотрел в окно, большой, бородатый, легендарный – самый знаменитый на весь двадцатый век поэт Грузии. Был он как всегда в потрепанном черном пальто, в старой-престарой шляпе. Все знали – он часто был пьян, часто ночевал где придется, бывал и грозен, и весел, и самым глубочайшим образом несчастен... Но он был настоящий, огромный поэт, и был добр к хорошим людям, к собакам и детям. Вся Грузия, как и Манана, знала об этом. Даже власть его обласкала: он был академик и орденносец... Но это не помешало той же власти в 1941 году арестовать и расстрелять его любимую жену. Ее звали Ольга Окуджава...

Мальчишки в автобусе гал-

С Резо Габриадзе

дели, старик оглянулся и увидел Манану. Помолчал и спросил: «Девочка, сколько вам лет?» Она ответила – семнадцать. Тогда он спросил, как ее зовут и знает ли она его дачу в Цхнети. Манана кивнула. И печальный Галактион попросил: «Я туда еду. Не могли бы вы сегодня зайти ко мне... Я вам стихотворение напишу». Так просто это было, столько тепла было в его глазах, что она немедленно согласилась, пообещала прийти... Тут вся ребячья компания заторопилась выходить – они спешили в гости к школьному товарищу.

Была зима, темнело рано, в гостях было весело. Манана стала собираться, чтоб исполнить данное ею обещание. И тут мальчишки принялись ее отговаривать. Галактион же старый и пьяница, и забыл про нее, и, конечно, спит давно. Мальчишки стали смеяться. Девочки говорили – надо идти. Но Манана была в каком-то замешательстве и не смогла решиться пойти в тот вечер к великому поэту и осталась со своими друзьями.

Два года спустя поэт погиб, выбросившись из окна больницы, в которую его поместили. Его хоронила и оплакивала вся Грузия... И Манана тоже. Многомного лет спустя она рассказала про автобус в Цхнети и невстречу с Галактионом художнику Тенгизу Мирзашвили, соседу и другу, жившему прямо под квартирой Мананы. Я тоже имела счастье быть с ним знакома – его ма-

стерская была в одном доме с мастерской Зураба Нижарадзе, моего друга. Тенгиз называл Зураба – Пико, а тот его – Чубчик... Так вот, нежный и задумчивый Чубчик – знаменитый художник Мирзашвили, чья прекрасная работа теперь уже много лет висит на стене в кабинете Мананы, был человек глубокий. И его занимала не только живопись.

Дальше слово – Манане Гедеванишвили. По моей просьбе она написала о нем несколько слов мне в блокнот: «Художник Тенгиз Мирзашвили... Он был знаток грузинской поэзии и тонкий ценитель Галактиона Табидзе. По всей Грузии и вне ее он собирал воспоминания о Галактионе. Тенгиз говорил: «Даже случайная, минутная встреча с поэтом или же возникновение его силуэта вдаль – все важно. Это присутствие гения среди нас. Его каждое появление – даже на отдалении – необходимо отметить, записать в книгу с названием Вечность».

Именно потому, что он был таким человеком, то есть, как и Манана, хранителем, Тенгиз среди рукописей Галактиона, относящихся к периоду 1957 года, искал и нашел четверостишие, которое он, как и рассказ Мананы Гедеванишвили, вставил в книгу о Галактионе Табидзе. Книга так и называется: «Галактионология». На русском языке ее, к сожалению, нет. Там же, рядом со стихами – фотография семнадцатилетней Мананы.

Вот такая маленькая история

о тбилисских хранителях – Галактионе, Манане и Тенгизе. Надо сказать, я не осталась совсем уж в стороне и сделала перевод этого четверостишия на русский язык.

*Девочка!.. Пташка
семнадцати лет,
В перышке каждом
утра рассвет!
Мне же полвека. И, веришь?
– мне снится
Коршуном смерть надо
мною кружится...*

Вот о чем думал поэт Галактион Табидзе, когда увидел девочку в автобусе Тбилиси-Цхнети... И еще, возможно, что пока Галактион ждал ее тем вечером в гости, это стихотворение и родилось, как он и обещал... Приди к нему Манана в гости, у нее сохранился бы автограф великого поэта. Не случилось. Но друг и сосед Чубчик отыскал эти строки...

Добавлю еще, в качестве послесловия: когда я жила в Тбилиси, там по инициативе и под руководством Отара Нодия появилась уникальная организация – Коллегия по художественному переводу и литературным взаимосвязям. В нее брали стажерами переводчиков из множества стран, которые обязаны были учить грузинский язык и заниматься переводами на родные языки лучших произведений грузинских авторов. Что они и делали. Так что не только в СССР, но и во всем мире в те времена грузинская литература стала известна и любима. Нодия пригласил меня туда работать. Я выбрала для переводов стихи Ладо Асатиани и еще, как считается в переводческом мире, самого трудного автора – Галактиона Табидзе.

Вот, на прощание, мой перевод из Галактиона:

*Если сердцу дождь лепечет
То, о чем забыть пора –
Пусть душа, светлей и легче
Воробьиного пера,*

*Непонятно где летает,
Неизвестно что творит.
Пока дождь не перестанет,
Пока сердце не сгорит...*

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Далеко не все москвичи знают сегодня, что один из главных символов их города обязан своим появлением грузину. Что название этой достопримечательности – Сандуновские бани – происходит от измененной грузинской фамилии Зандукели. И что создатели этих бань были известны, в первую очередь, как лучший комик России и выдающаяся актриса 18-19 веков. Впервые эта фамилия прозвучала на берегах Москвы-реки в 1730-х годах, когда там поселился дворянин Мосе Зандукели – придворный картлийского царя Вахтанга VI, приехавшего в Россию со свитой своих сподвижников в 1200 человек.

Освоившись в Москве, Мосе, как говорили тогда, заводит свое дело. И документы первой половины XVIII века хранят запись о «шелковой фабрике грузинца Моисея Борисова сына Сандунова в Китай-городе на земле Калязинского монастыря». Неподалеку был и дом Сандуновых, входивший в приход церкви с живописным названием, просуще-

ствовавшей до 1934 года: Троица Живоначальная, что в Полях. Все это находилось в районе нынешних Театрального проезда и Лубянской площади.

Мосе прожил долгую жизнь – до 93 лет. Один из двух его сыновей, Николай, тоже значится в документах, как фабрикант. А вот дети Николая пошли совсем иными путями.

Старший из них, Силован, родился в 1756 году, все звали его сокращенным на русский лад именем Сила. Он получил домашнее образование, вполне достойное дворянского отпрыска, и в 16 лет был определен мелким чиновником в канцелярию Мануфактур-коллегии. Но очень скоро семья лишается отца, деда, и Сила занимается доставшимися ему банями, лавками и кабаком «Петровское кружало» на месте сквера Большого театра. Как старший в семье, он заботится об образовании младшего брата Николая. И тот окончил сначала гимназию при Московском университете, потом сам университет и стал в нем деканом отделения нравственных и политических наук.

Неизвестно, как сложилась бы дальше судьба Силы Николаевича, если бы однажды друг не затащил его в Петровский театр на комедию «Наследство», где в роли слуги-пронеры блистал первый комик российской сцены Яков Шушерин. И Сандунов так «заболел» театром, что стал брать уроки неподобающего дворянам актерского мастерства у Шушерина, который придавал большое значение репетициям. Эти уроки оказываются настолько хорошей школой, что Сила, которому еще нет и 25-ти, появляется на сцене. Это сцена частного Петровского театра англичанина Майкла Меддокса со зрительным залом на 1500 человек. Первый общественный музыкальный театр Москвы стоял на месте нынешнего Большого театра, был очень популярен, вокруг него группировались просветительские силы Москвы, в нем впервые ставились комедии Бомарше и драмы Лессинга. Дебютант Сандунов играет слугу с говорящим именем Прозаза в комедии крупного драматурга Якова Княжнина «Чудаки». И играет настолько удачно, что роли находчивых и плутоватых

Сила Сандунов

слуг становятся его амплуа. Вскоре он уже царит в модном тогда театральном ложноклассическом направлении.

Журналист и писатель Михаил Пыляев утверждал, что молодой Сандунов – один из двух самых больших талантов театра Меддокса наравне с ветераном сцены Павлом Плавильщиковым, опытным и знаменитым настолько, что он учил декламации воспитанников Благородного пансиона при Московском университете и руководил домашними театрами в нескольких знатных домах. А вот что еще можно узнать у Пыляева, уже более конкретно: «Сандунов, Сила Николаевич, происходил родом из дворян. Это был первый русский комик; амплуа его были роли слуг. В то время господствовала на русской сцене французская комедия, в которой все интриги, по обыкновению, завязывались и держались на плуте-слуге или ловкой служанке и амплуа слуги было самое трудное. Сандунов в таких ролях был неподражаем и был на сцене как дома: смел, развязан и ловок. Сандунов был самый модный и любимый актер. Все тогдашние молодые люди в обществе старались ему подражать; у него было множество друзей между знатью в свете; он был небольшого роста, прекрас-

но сложен, говорил прищуривая глаза, но сквозь эти щелки век вырывались взгляды самые умные и хитрые: он высматривал каждое движение того, с кем говорит, и проникал его насквозь».

Проходит еще немного времени, и Сила – уже лучший комик своего времени. На сцене он преобразуется до неузнаваемости, даже играя по семь ролей в одной пьесе. Сердца московских зрителей покорены, и в 1783 году председатель Комитета по урегулированию административной и финансовой стороны театрального управления Адам Олсуфьев велит «вызванного из Москвы российского актера Силу Сандунова определить в службу театральной Дирекции». То есть, в труппу придворного театра, «играть первого слугу и другие приличные ему роли в комедиях и комических операх». Впрочем, выступает он не только на придворной, но и на городской сцене.

В столице Сила проработал без малого десять лет, играя все главные комедийные роли «особенно в спектаклях эрмитажных, не имея себе дублера». Эрмитажные спектакли – идущие в придворном театре. Из-за занятости в них Сандунову даже отказывают в 1789 году в отпуске в Москву. Правда, за год до этого он получил прибавку в 200 рублей к и без того немалому по тем временам 500-рублевому жалованью. А в жизни он мало

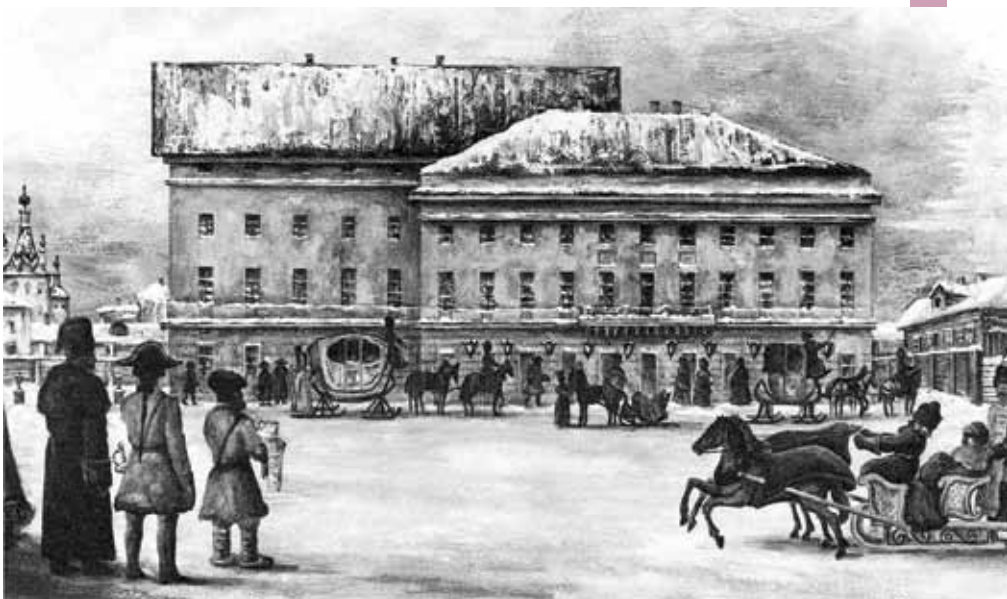
чем отличался от своих находчивых, обаятельных персонажей. Напористого и остроумного, его назвали местным Фигаро, о его любовных похождениях ходили легенды.

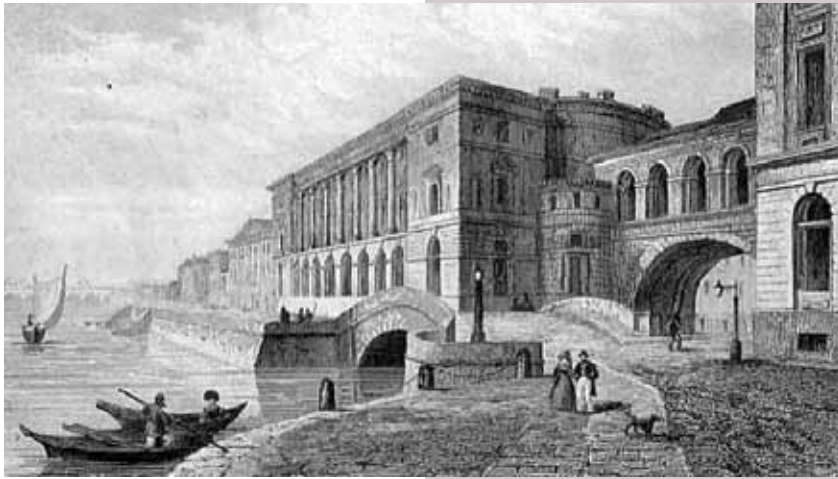
Знаменитый Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона посвящает ему такие строки: «Сандунов был одним из лучших выразителей господствовавшего в то время ложноклассического направления. Играл преимущественно роли плутоватых слуг и подьячих и в этой области был неподражаем, превосходно умея видоизменять один и тот же тип. В устах Сандунова тяжелые и неповоротливые остроты старинных наших комиков точно преобразались; казалось, будто они сейчас только родились у него».

А потом, как и у Фигаро, у него, говоря языком старых душераздирающих романов, случается любовь. Зовут ее Лизонька Уранова. При рождении ее записали «безродной сиротой Федоровой», и растили девочку люди, оказавшиеся не только добрыми, но и не чуждыми искусству. Они рано обнаружили у Лизы редкий по диапазону голос и добились, чтобы их воспитанницу приняли в петербургское Императорское Театральное училище. Попаст туда было очень трудно – нужны или высокая протекция, или благосклонный взгляд самой Екатерины II, которая лично патронировала училище.

Елизавете Федоровой удастся

Петровский театр Меддокса

Большой Эрмитажный театр в Петербурге

второе: ее голос охватывает три октавы, у нее – драматические способности, она хорошо танцует. И именно все это необходимо в тогдашнем театре, который сегодня назвали бы синтетическим. Для такого и строился отбор в училище, талантливых девочек искали по всей стране. Лизонька – одна из лучших среди них, а это значит, что она попадает под покровительство самой Екатерины, очень внимательно следившей за жизнью училища.

Императрица часто приглашает воспитанниц в свои придворные спектакли, а иногда и выпускает их на главную Императорскую сцену – Большого Эрмитажного театра. В 1790 году на этой сцене впервые оказывается Лиза Федорова – в партии Амура в опере «Дианино древо». И так она понравилась Екатерине, что та, призвав ее, одарила бриллиантовым перстнем ценой в 300 рублей, пожелав, чтобы девушка не отдавала его никому, кроме будущего мужа. Потом – новое повеление: ежедневно узнавать об успехах и нуждах, а самой ей впредь именоваться Урановой. То ли в честь древнегреческого божества неба, то ли в честь планеты, открытой девятью годами раньше. Просвещенная правительница восхищалась этим открытием.

Под такой звучной фамилией Лиза, окончив училище, поступает в Большой Эрмитажный театр. И знакомится там с Сандуновым. Вспыхнувшая любовь взаимна. Судя по сохранившимся портретам, «главная сила нарождавшейся тогда национальной

оперы» не была писаной красавицей. Но несчетное количество поклонников свидетельствует, как минимум, об огромном обаянии. Влюбленные актеры уже ведут разговор о свадьбе, как, прямо по драматургии «Севильского цирюльника», появляется похотливый граф. Розину, невесту Фигаро, возжелал граф Альмавива, а Лизу, невесту Сандунова, – граф Безбородко.

Сильные мира того, не сомневаясь в своей правоте, считали, что «актерки» предназначены развлекать их не только на сценах, но и в спальнях. Да и театральное начальство, все высокопоставленные чиновники относились к зависимым от них, беззащитным девушкам, как крепостники к холопкам. И те понимали, что без «высокого покровителя» им не выжить. Да что там чиновники и вельможи! Августейшие особы точно так же потребительски относились к актеркам. Николай I, например, лично выискивал девушек в Петербургской труппе, и список его наложниц огромен. Ну, а члены семьи Николая II открыто «специализировались» на балеринах.

Граф Александр Безбородко, «одаривший» своим вниманием Лизоньку, был ближайшим сановником Екатерины II, фактическим главой Коллегии иностранных дел с окладом вице-канцлера и одним из богатейших людей России. Он обожал театр, демократично общался с актерами и питал слабость к актрисам. Историк и писатель Александр Тургенев замечает в своих «Записках»: «Безбородко был... предан сла-

дострастию, женщин любил до исступления, и кто бы поверил, увидев Безбородко, что он с наружностью уродливого квазимода хотел нравиться прекрасным женщинам и даже уверял себя в том, что они его любят».

Практически, граф не знал отказов, тем более что кошелек его был набит туго, и к девушкам, не отвергнувшим его чувства, он был щедр. Так, одной итальянской актрисе за мимолетную встречу он заплатил 40 тысяч рублей, а замужней танцовщице по имени Ленушка, известной лишь связью с ним, преподнес небольшой... городок, приносящий 80 тысяч рублей в год, и дом в Петербурге стоимостью 300 тысяч рублей. Вдобавок муж этой особы с благодарностью принял от любовника своей жены помощь в получении чина действительно тайного советника...

А тут коса находит на камень. Лизонька отказывает графу, когда практически ни у кого не было сомнений в том, что ждет актрису. Кое-кто даже начал оказывать ей знаки внимания, подобающие фаворитке вельможи такого ранга. Но «крепость» по имени Елизавета Уранова устояла, и это обсуждается всеми и всюду. Даже в воюющую с турками армию князю Григорию Потемкину

Елизавета Уранова

Александр Безбородко

его адъютант и доверенное лицо Михаил Гарновский сообщает из Петербурга: «Лизанька ни на какие обещания графу не поддается». Светское общество, жившее по своим канонам, никак не может понять, что кто-то просто не собирается изменять любимому человеку.

Вообще-то, ухаживания графа ломают влюбленным все планы, они уже не могут открыто объявить о своих отношениях. Ведь театральное начальство, стремясь угодить обуянному страстью Безбородко, начинает притеснять строптивницу, которая бросает вызов всем, смея отказываться от влиятельного покровителя и огромных денег. Императрице даже доносят, что Уранова ленится, не слушается начальства. Тут самое время снова почитать Александра Тургенева. Он все называет свои именами: «Все начальствовавшие при театре старались всячески вельможе содействовать в успехе, и ничто не могло преклонить молодую девушку удовлетворить желанием Безбородко. Удивлялся Безбородко; не менее его дивился главный начальник театра Соймонов твердости Елизаветы Степановны, и когда она привезенные ей Безбородко 80 тысяч руб. ассигнациями, в присутствии его и Соймонова, бросила в камин, в котором представительная монета превратилась в пепел, Сой-

монов и Безбородко остолбенели... Но скоро они... дознали, что Елизавета Степановна страстно влюблена в актера Силу Николаевича Сандунова и расположена просить у государыни дозволения вступить с Сандуновым в брак. Тот же день, как Безбородко и Соймонов открыли тайну, Силу Сандунова посадили в кибитку и послали в Херсон к вице-адмиралу Мордвинову для употребления Сандунова на службу и строжайшего за ним надзора».

В общем, актера попросту ссылают в армию, несмотря на все его заслуги и популярность. Как бесправного холопа. Но Лизонька продолжает борьбу за свое счастье. Екатерина, увидев, что любимца публики заменили, интересуется, где он. Соймонов, растерявшись, отвечает, что он «отчаянно болен горячкою», и императрица велит послать к Силе своего личного врача. Пока злодеи думают, как выйти из положения, на сцену, в полном смысле этого выражения, выходит Уранова. Упав на колени во время спектакля, она протягивает в царскую ложу прошение: «Спаси, матушка!».

«Матушка», не дождавшись конца представления, зовет Лизу в свой кабинет. И та сообщает, что «Сила Сандунов здоров и что его мчат в Херсон». Екатерина тут же вызывает своего любимого кабинет-курьера Франца Чинати, о котором говорили, что он «по России не ездил, а летал, словно птица». И, по словам Александра Тургенева, «за 475 верст от Петербурга, в 50 верстах от Витебска, настиг Чинати курьера, везшаго Силу в ссылку, взял его и повез в Петербург. Чрез двое суток... курьер, итальянец Чинати, представил Силу Сандунова в кабинет ея величества».

Лизонька все это время находилась в покоях Марьи Перекусихиной, личной прислуги царицы – чтобы быть защищенной от графа и его приспешников. Силу и Елизавету императрица приказывает венчать прямо в дворцовой церкви и дает невесте 1000 червонцев на приданое. Сандунова возвращают на сцену, увеличив оклад до 1200 рублей в год. Театральных директоров Петра Соймонова с Александром Храповицким увольняют и заменяют

их князем Николаем Юсуповым. Но и он на стороне Безбородко, так что Лиза делает еще один эффектный ход – когда через несколько месяцев после свадьбы в Большом Эрмитажном театре дают новую итальянскую оперу.

Там главная героиня говорит богачу-соблазнителю: «Как знатного вельможу я вас почитаю, как надзирателя уважаю, как человека в старых летах люблю, как волокиту ненавижу, как соблазнителя презираю и гнушаюсь». Сказав это, Сандунова идет еще дальше. Она берет у богача кошелек и, обращаясь к ложе, где сидел Безбородко, поет свою арию: «Перестаньте льститься ложно/ И думать так безбожно,/ Что деньгами возможно/ В любовь к себе склонить.../А нас корысть не льстит». И после этого швыряет кошелек в сторону графа. Чтобы избежать скандала, тот встает и аплодирует первым. Однако, как говорил персонаж Михаила Зощенко, он «ничего не сказал, но затаил в душе некоторую грубость». И начинается травля уже обоих Сандуновых.

Силу провоцируют на ссору, и он, попав в полицию, «называет себя благородным», то есть, дворянином. Самозванство уголовно наказуемо, а «дворянин в актеры не пойдет». Узнав, что решение уездного суда о ссылке Сандуно-

Екатерина II

Николай Юсупов

ва еще не утверждено в Сенате, императрица отыскивает в своем наказе Комиссии о составлении законов такой параграф: «Не тот благороден в обществе, кто родился от благородного, но каждый гражданин, ведя себя благородно в обществе, имеет право называть себя благородным». И отправляет текст с секретарем в тюрьму, чтобы Сандунов на вопрос о том, как «он смел назвать себя благородным», сослался на этот параграф. Ну, какой судья пойдет против слов «матушки-императрицы»? И Силу оправдывают.

Но потом его лишают дополнительного заработка. Он в частном порядке готовит актеров для домашних театров, и князь Юсупов начинает «чернить его перед его доверителями». А тем, кто дает ему учеников, грозят запретить вход в театр. «Видя, что театр перебивается одним старьем», Сандуновы заказывают за собственные 400 рублей новую оперу, но в дирекции ее на два с половиной года «кладут под сукно», и супруги, помимо морального унижения, теряют деньги. На одном из спектаклей Силе устраивают обструкцию в зале. Когда он говорит начальству, что является таким же гражданином, как и все, это ставят ему в вину: «гражданин» – символ Французской революции.

Сандуновым отказывают в служебной карете для приезда в театр, не дают появляться при дворе в новых пьесах, Лизу не ставят на главные роли и даже не пускают в «ложу, актрисам всегда отдаваемую», отправляя на

галерку. А когда князь Потемкин бросает Силе из ложи несколько сот червонцев, Юсупов заявляет, что актер этого не достоин – он «плохого поведения, пьяница, гордец и развратник». «И так мало для него казалось лишить меня знака милости его светлости, нужно было и обнести до совершенства», – жалуется Сандунов императрице.

В финале таких трехлетних преследований разыгрывается драма. Князь Юсупов приказывает взять супругов под стражу прямо в театре. Под многочисленным конвоем их то переводят под домашний арест, то возвращают «в контору», делая это с «разными грубостями, с угрозами и насмешками». Когда Силе удается спросить князя, за что такая жестокость, тот прямо отвечает, что за письмо Лизы государыне, «которое он признает для себя ругательным». В очередной жалобе «матушке» Сила пишет, что его жена, «в совершенно истеричной болезни лежит на постели, окруженная и тащимаемая солдатами, противу всякой благопристойности». И просит понять, «сколь разительна была сия картина для мужа, обожающего свою жену, которой все преступление в том, что любит своего мужа и не хочет сделаться в угодность сластолюбцев развращенною женщиною».

В конце концов, Екатерина удовлетворяет прошение Сандуновых об отставке, выдает единовременное вознаграждение и советует уехать в Москву. К тем, кто их травил, никакие меры уже

не принимаются. Не надо забывать, что «матушка», даже покровительствуя актерам, видела в них лишь тех, кто предназначен для развлечения, скоморохов. И еще тогда, когда Лиза была в училище, Екатерина писала о его воспитанниках Храповицкому: «Разговор о девках театральных... Смотрите за нравами!»

В общем, в 1794-м Сандуновы переезжают в Москву. В Петровском театре их встречают с распростертыми объятиями, правда, у Лизы ролей меньше, чем у мужа, а тот еще становится и режиссером. На берегу реки Неглинной театр Меддокса выделяет семье участок, и это очень удачно – соседняя земля уже принадлежит потомку Мосе Зандукели. И вскоре появляются каменные дома. Тот, что в Звонарском переулке, принадлежит мужу, а в Сандуновом – жене. Чтобы меньше зависеть от непредсказуемой актерской судьбы, супруги решают вложить деньги в какое-нибудь прибыльное дело. Благо, сбережения у них есть, включая и перстень, подаренный императрицей.

Поначалу подумывают о строительстве магазинов и доходных домов, но потом решают создать роскошные бани. Выбирают участок за Кузнецким мостом, где вдоль Неглинки проведен чугунный водопровод, а сама речка заключена в Самотечный канал. Пустив в ход сбережения и подаренные жене драгоценности, Сандунов скупает там земли с двумя чистыми прудами. А в 1805-м сгорает Петровский те-

Мемориальное кладбище расст

Одно из первых изображений Сандунов

атр, и внимание актерской пары сосредотачивается не только на новом месте работы – Арбатском театре, но и на банях.

И в 1808 году появляются не просто каменные бани, а настоящий дворцовый комплекс со своим водопроводом и тремя отделениями – «простонародным», «купеческим» и «дворянским». В каждом – «мыльные», парилки и вместо предбанников – большие раздевальные залы. В «дворянском» отделении они даже с зеркалами и мягкими диванами под белоснежными покрывалами. Обслуживали гостей опытные банщики и слуги, был организован буфет с огромным выбором напитков. Люди всех сословий получили возможность не только мыться, но и общаться в приятной обстановке. А в «дворянских» за-

Интерьеры Сандуновских бань

лах организовался своеобразный «банный» клуб, собравший за всегдатаев светских салонов и Английского клуба.

Бани работали даже в 1812 году, уцелели при пожаре Москвы. А вот все остальное имущество Сандунова сгорело. Он ушел со сцены, преподавал сценическое искусство в домашнем театре генерала Петра Познякова, уехал в Харьковскую губернию, оставив за себя отставного актера Рогаткина – «наблюдать и торговать» в банях. С женой они развелись в 1814-м, когда у Силы... родился внебрачный сын. Права на бани разделили и передали в аренду владельце бань по другую сторону Неглинки. Потом Сандуны переходили из рук в руки и в 1896 году обрели нынешний вид. Сандунов же долго болел и умер в 1830-м. Елизавета уехала в столицу

и снова блистала на императорской сцене.

Мужа она пережила на 6 лет. Приехав по делам в Москву, простудилась, а когда ей стало полегче, отправилась, говоря по-нынешнему, «на шопинг». И увидела в витрине перстень, подаренный ей Екатериной и проданный для строительства бань. Она тут же выкупает драгоценность и по дороге домой повторяет: «Вот нашлась потеря, да уж Силы нет. Некому дарить!» Наутро ее не стало. Похоронили ее рядом с Силой и его родными на Лазаревском кладбище в Марьиной роще. Это первое общегородское кладбище Мо-

сквы уничтожено в 1936-м. На его месте разбили детский парк имени Дзержинского, затем переименованный в Фестивальный. Там проходит и участок Третьего транспортного кольца. Но осталась в истории эпитафия на могиле Сандунова, написанная его братом Николаем: «Я был актер,/ жрец Талии смешливой./ И кто меня в сем жречестве видал,/ Тот мне всегда рукоплескал./ Но я не знал надменности кичливой!/ В смысл надписи, прохожий, проникай!/ Тщеславься жизнью, но знай,/ Что мира этого актеры и актрисы,/ Окончив роль – как я, уйдут все за кулисы!/ Кто роль свою умеет выдержать до конца,/ Тот воздания получит – от Творца».

И остался в Москве единственный памятник роду Зандукели – Сандуновские бани.

Марткопский монастырь

РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...

Александр ЭБАНОИДЗЕ

Продолжение

ДВЕ БИТВЫ МАРТКОПИ И МАРАБДА

А борьба продолжалась. Шах послал в Грузию новые войска во главе с Корчига-ханом и советником к нему приставил самого Георгия Саакадзе: в Грузии многие не любили его и побаивались, но уважали все.

Может быть, с его помощью удастся развязать тугую грузинский узел? А если не развязать, так разрубить – Великому Моурави хватит на это решимости и силы. А уж шах-Аббас воздаст ему по заслугам...

Но другие планы зрели у Саакадзе. Он вынашивал их в далекой Индии и в жарком Гюльнабаде, где на раскаленных крепостных камнях можно было испечь лепешку; под клич муэззинов и под песни своих верных «барсов», доносивших в Тавриз и Кандагар нежное дыхание родины. Он думал об объединенной Грузии и сильном войске, способном отразить любого врага. Ему виделся прочный трон независимых Багратионов

и победный стяг Горгасала и Давида. Саакадзе знал, что этот поход решающий: шах намерен заселить Кахетию и Картли кизилбашами и другими татарскими племенами. А грузин угнать в Ферейдан и Фарс; и сделать это хочет его руками. Руками Саакадзе похоронить Грузию! Да не будет этого!

Полководец и воин, он продумал план восстания и через «барсов» ознакомил с ним верных людей.

И настал день мести – 24 марта 1625 года.

Горская конница хевсуров и пшавов лавиной ринулась к иранскому лагерю. Топот тысяч коней наполнил теснины Марткопи. Саакадзе вошел в шатер Корчига-хана и сообщил о надвигающейся опасности. Корчига-хан вскочил на коня. Но в то же мгновение Саакадзе пронзил его копьем. Это было сигналом к восстанию. Обнажив мечи, «барсы» набросились на ошеломленного врага. Тут подоспели горская конница и отряды восставших князей – началось истребление кизилбашей. Их лагерь был рассеян и опустошен. Едва ли десятая часть спаслась бегством.

– Бегите к своему шах-

Аббасу! – кричали им вслед грузины. – Но не смейте возвращаться!

Не дав врагу опомниться, Саакадзе двинулся на Тбилиси, освободил его. На следующий день его конница вступила в Карабах. Он преследовал убежавших кизилбашей до нижнего течения Аракса и, очистив восточные границы Грузии, направился на юг, в Самцхе. Ни разу победа не отворачивалась от него. Он освобождает Ахалцихе и предлагает турецким военачальникам выступить против шах-Аббаса. Но турки воздерживаются от большой войны: им ни к чему под боком сильная Грузия.

Тогда Саакадзе возвращается в Тбилиси. Ликующий народ хочет объявить Великого Моурави царем, но тот отказывается: «У страны есть законный царь!» – и призывает в столицу Теймураза I.

В разгар побед и народного ликования, под звуки плясок, зурны и доли в шатер Великого Моурави проник тщедушный мужчина в потертой чохе. Тусклым, бесстрастным голосом он сказал: «Георгий Саакадзе, прими подарок шах-Аббаса», и бросил к ногам счастливого

воина грязный мешок. Что-то глухо стукнуло. Пришелец открыл полог шатра и скрылся. Никто даже не попытался остановить его. Все в шатре оцепенели. Саакадзе дрожащими руками дернул веревку, перетягивавшую мешок, и отшатнулся: «Паата!»... Посиневшая голова его сына Пааты выглянула из мешка. «Барсы» обступили своего предводителя. Прошедшие через десятки битв, видевшие тысячи смертей, они не помнили минуты страшнее. Когда оцепенение прошло, великий воин

Церковь в Марабде

Символическое место упокоения героев Марткопской битвы – братьев Херхеулидзе

опустился на колени, убрал с отрубленной головы прилипшую прядь и поцеловал сына в холодные губы...

В этот раз шах-Аббас не издевался над побежденными подданными и не заставлял их плясать в женском платье. Он оценил серьезность положения и принял серьезные меры. К границам Грузии двинулось огромное войско кизилбашей во главе с опытным Иса-ханом. В пути к нему присоединились войска Ширванского хана и Тавризского и Ереванского бегларбегов. Волы тянули телеги с чугунными пушками.

Две армии сошлись на поле близ Марабды.

Марабда... Марабда... Это слово, как удары сердца посреди жаркой сечи. Грузины

выставили все, что смогли. Как всегда, численное превосходство было на стороне врага. Да и пушек нам не хватало. Но Саакадзе сказал: «В Древнем Риме воина учили – одного врага побеждать, на двух нападать, от трех защищаться, а от четырех бежать. Грузины, Георгий Саакадзе учит вас врагов не считать. Нападать и побеждать! Многие позавидуют вам, не всем выпала такая честь, как эта битва!»

Весь долгий день не стихала сеча. Весь долгий день Великий Моурави, громяхая доспехами, носился по марабдинскому полю. Его громopodobный крик леденил кровь и вдохновлял «барсов». Могучий и стремительный, с горящим взором, он был неистов. Меч его подни-

мался и опускался равномерно, словно он рубил лес. В ужасе метались от него потрясенные кизилбаши. И ликовали воинственные горцы: «Слава Георгию! Дидэба!»

Было это в далеком 1625 году. Этот кровавый год золотом вписан в историю Грузии, ибо ценой неисчислимых жертв и мужества грузинский народ доказал – нас нельзя одолеть.

...Все дальше уходят те времена, стихает в памяти гул сражений, но не тускнеет образ Великого Воина, все отдавшего Родине.

И пыль кизилбашей
клубится вдали
И долго колеблется
в этой пыли
Клинок его,
воткнутый в поле...

...Я перечитал письмо и остался доволен – не ожидал от себя такого красноречия! И стихи припомнились кстати... Видно, Саша Николадзе задел меня за живое. Если он и на этот раз станет важничать и воротить нос, я просто плюну, и прерву переписку. В конце концов, она дорого мне обходится – ни о чем, кроме истории, не желаю слышать, на улицах чувствую себя странно – машины, троллейбусы и даже люди раздражают меня, и я целыми днями пропадаю на развалинах крепости – подаю строителям кирпич и раствор. Когда-то Нарикалу растащили по кирпичику на дома в Чугурети и Сейдабаде, теперь решено восстановить хотя бы общий силуэт. Только,

Доспехи грузинского воина XVII-XVIII вв.

кажется, мне больше нравились развалины: в них жило прошлое...

Я так увлекся им, что отличился на последней контрольной – написал сочинение, которое учительница зачитала в классе. Раньше со мной такого не случалось. Сочинение на свободную тему по «Сурамской крепости».

СНЫ СТАРОЙ КРЕПОСТИ

Я – старая крепость. Я стою на горе над просторной долиной. Мне видно далеко окрест. Но мои бойницы смежаются, они заросли травой и крапивой. Их затянуло мхом, и все чаще я вижу то, что помнят мои камни. Усталые потрескавшиеся камни со следами ядер и стрел... Самые старые, те, что по плечи ушли в землю, – помнят легионы в белых туниках, золотых орлов на древках знамен и медь воинственных горнов. У-у, как давно это было!.. Легионы неторопливо и надменно шествовали по долине, из-под руки и шлемов

разглядывая меня. Но ни одна стрела, ни один дротик не коснулся тогда моих стен...

Столетия шли за столетиями. Я обновлялась, достраивалась, обзаводилась тайниками. Сколько помню себя, я всегда ждала опасности. По моим стенам прогуливались зоркие часовые и, всматриваясь вдаль, перекликались. Однажды они зажгли огонь на башне, и я поняла – пришел враг! В крепости поднялась суматоха. Ворота закрыли на засов и подперли стенными слагами. А на следующий день под визг рожков и дудок по склону полезли воины в странных шапках, с черными курчавыми бородами. Они что-то кричали мне, но я не понимала и насмешливо поглядывала с моей высоты. Я считала себя неприступной. Так внушила круча, на которой меня возвели, и мощные стены. Стоило самому ловкому из бородачей добраться до моих стен, как из бойниц его пронзали стрелой. Раненый долго корчился, стонал и звал

на помощь родную мать, но я не жалела его. Я была матерью тех, кто в час беды спешил ко мне – по тропе с вырубленными ступенями. Ступени были неровные, и старики часто спотыкались и падали, но никто ни разу не проклял строителей. Задышавшись, все бежали сюда, под укрытие этих стен: так цыплята, завидев коршуна, сбегаются к квочке.

Коршун... Коршун налетел под белым стягом, неумолимый и жестокий, как смерть. У него было широкое лицо и узкие глаза. Его низкорослые кони скакали волчьим наметом, и плач, и стон, и дым взвились до небес.

Первым делом я укрыла за стенами малых и немощных. Потом со скрипом отворила тяжелые ворота и выпустила в бой своих сыновей – дружина витязей с песней ринулась на врага. О, как я любила их в ту минуту! Они врубались во вражеский стан – так топор входит с маху в мягкое дерево, но врагов было много, слишком много. В железных шлемах, с кривыми ятаганами, они, как псы на медведя налетели на мою дружину. Я издали смотрела на сечу, но видела все – тогда у меня было ястребиное зрение. Как я ждала их возвращения и, задышавшись, пересчитывала... Я не насчитала и трети! На затихшее поле слетелось воронье: черные птицы тяжело перепархивали и каркали. А среди ночи мне послышался стон. Слабый голос молил по-грузински: «Кто-нибудь, братцы... Я – Гигла! Откройте ворота. Ради Бога, впустите меня в крепость!» Раненый воин истекал кровью, но его не слышали. Часовые тревожно всматривались туда, где ржали кони и дотлевали костры большого лагеря – наутро снова предстоял бой. А голос раненого слабел. Он так и умер – за крепостными воротами; поджал ноги и затих, и у меня до сих пор болит и ноет каменное сердце...

Но что сравнится с той болью, когда силой взламывали мои обитые железом ворота! Крушили тараном под вопли и гиканье... Только боль от предательства. Ее я не смогла снести. Я сама убила предателя: лунной ночью, когда он вышел из палатки и, пошатываясь, побрел

Сурамская крепость

к главному бастиону, я убрала камень из-под ноги и бросила его в пропасть. Долго кости предателя белели на дне провала. Потом они заросли крапивой и чертополохом.

Все это было давно... очень давно... Уже много лет я не слышу ни пальбы, ни топота, и забываюсь, и путаюсь. Разве что далекое ржание вдруг напоминает что-то...

На пологом склоне, с той стороны, откуда восходит солнце, под башней растут два персиковых деревца... Почему их два? И почему они растут так тесно, перемешиваясь ветвями?! Когда-то там сходились юноша с девушкой, молодые и красивые. Он учил девушку играть на свирели. А однажды появились янычары... Что было потом, я не помню. Нет, не помню. Я слишком стара, и камни мои устали...

Я – старая крепость. Я стою на горе над долиной. Каждый год по весне вся долина цветет маками – из края в край, сколько хватает глаз. Я знаю, почему они такие красные. И почему их так много...

Теплый ветер бродит между моих камней, шуршат смоковницы и кусты граната, проросшие из моих стен.

Я смежаю бойницы.

Мне снятся сны...
Старые, старые сны...

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО ИЗ ЗВЕНИГОРОДА

На этот раз ответ пришел довольно скоро.

«Милый брат! – писал Саша. – Спасибо за письма. Кое-что из рассказанного я знал, но много нового. Какие страшные времена пришлось пережить Грузии! Ты пишешь об этом с такой запальчивостью, словно споришь со мной. Но разве героизм наших предков нуждается в доказательстве? Их воинская доблесть известна с давних пор. Вот что писал рыцарь де Витри, участник крестовых походов: «Они весьма отважны и мужественны в бою. Сарацины их очень боятся... Имя им георгианы, ибо у них особенно почитается св. Георгий – они считают его своим покровителем и знаменосцем в борьбе с нехристями. Всякий раз, когда они приезжают в Святой город поклониться гробу Господню, вступают в Иерусалим с раскрытыми знаменами и никому не платят дани». Я мог бы переписать для тебя множество подобных высказываний, но не стану этого делать. Назову только одно имя – Багратион! Нужны ли другие доказательства доблести!.. Од-

нако тут я снова возвращаюсь к началу нашей переписки. Когда я просил рассказать о Родине, меня меньше всего занимали военные подвиги. Как сказано у Лермонтова – «Ни слава, купленная кровью», «ни темной старины заветные преданья»... Я вспоминал рассказы бабушки – о зимней дороге до городка, где он учился в гимназии, о мельнице над зеленой протокой и роднике под огромным ореховым деревом... И – как тебе объяснить? – все это было Грузией, дышало ею. Может быть, оттого что дедушка говорил с грузинским акцентом?.. И еще: в твоих письмах попадают названия – Картли, Кахетия, Тао, Рача... Что это? Области? Земли? Помню, дедушка говорил, что мы выходцы из Картли, переселившиеся в Имеретию. А приезжавший к нему фронтовой друг был сван.

Словом, милый брат, мне интересно все – и география, и климат, и растительный и животный мир. А все, что почему-либо запало тебе в душу, наверняка донесет частичку нашей прекрасной Родины. Так что, пиши, если тебе не наскучило.

Жду с нетерпением и заранее благодарю.

Твой брат Сандро».

«Бокал вина»

МУЗЫКА ЖИВОПИСИ КАХИ БАХТАДЗЕ

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

Эффектная рыжеволосая женщина в голубом платье и розовой шляпе сидит в трактире, перед ней на столе – пепельница, в которой медленно догорает сигарета. Дама излучает спокойствие и уверенность, всем своим видом показывая, что довольна жизнью. В левой руке она держит бокал с красным вином. Чуть поодаль – официант с подносом, он с почтением смотрит на гостью и терпеливо ждет, когда та позволит ему поставить на стол заказанное блюдо... Эта картина под названием «Бокал вина» принадлежит кисти известного грузинского художника Кахи Бахтадзе, выставка-продажа произведений которого состоялась недавно в Национальной парламентской библиотеке Грузии.

В выставочном зале собралось множество любителей искусства, представителей творческой интеллигенции страны, коллег и друзей художника. На мольбертах – портреты, натюрморты, пейзажи... Работы разных лет, написанные маслом на холсте и картоне. Посетители с восторгом рассматривали их, снимая понравившиеся на мобильный телефон и одаривая автора заслуженными комплиментами. Это – десятая персональная выставка К. Бахтадзе. Художник неоднократно экспонировал полотна не только на родине, но и за рубежом – в Германии, Америке и других странах. Несмотря на то, что со времени его последней выставки прошло девять лет, Каха не делал паузы в творчестве и постоянно создавал новые работы.

Сам художник был крайне немногословен и практически ничего не сказал о своем творчестве, обращаясь к публике на церемонии открытия выставки. Он лишь коротко отметил: «У меня очень много работ, эта выставка представляет собой синтез старых и новых полотен. Надеюсь, они вам понравятся». В отличие от автора, гости выступали подолгу, вспоминали интересные эпизоды сотрудничества с Кахой, благодарили его за создание таких великолепных картин. По словам известного ученого и педагога Валерия Асатиани, можно безо всякого преувеличения сказать, что эта выставка приносит радость зрителю, а ее автор – человек, заслуживший уважение общества за свой многолетний кропотливый труд. Картины, представленные на суд зрителей, отличаются многогранностью, различными концепциями и трактовками изображенных образов.

Помимо деятельности в изобразительном искусстве, которая хорошо знакома широкой аудитории, необходимо отметить заслуги К. Бахтадзе и в издательском деле. При его участии были созданы альбом Национального балета Грузии «Сухишвили», однотомник произведений Георгия Леонидзе, сочинения Ираклия Абашидзе... Добавим, что над дизай-

Каха Бахтадзе

ном книг Каха начал работать более тридцати лет назад, когда в 1987 году стал сотрудником издательства «Накадули», и прослужил там пятнадцать лет в качестве художественного редактора. Сегодня у него есть небольшое издательство, которое выпустило много хороших книг. Есть интересные замыслы на будущее. Каха живет полноценной, насыщенной творческой жизнью и очаровывает людей своим обаянием, дружелюбием, открытостью и добротой.

Художник Ладос Асатиани отметил, что автор представил на экспозиции различные по стилистике работы. По его словам, некоторые художники развивают свой стиль строго в одном направлении, как, например, Елена Ахвледиани. С другой стороны, существуют такие мастера, как Давид Какабадзе, который отличался многосторонними интересами, двигаясь в разных направлениях, и именно к их числу принадлежит Бахтадзе: «Для него главным является не количество созданных работ, а их качество. Он работает в разных техниках и с различными материалами. Все картины Кахи отличаются высоким художественным уровнем».

Всемирно известный оперный певец Ладос Атанели сказал, что их с Бахтадзе связывает дружба, начавшаяся с совместного творчества: художник стал дизайнером двух его книг, а так-

же автором оформления всех афиш концертов певца и благотворительного фонда Л. Атанели «Танадгома». «Я восхищен его картинами. Такие яркие цвета я видел на полотнах Тинторетто. Рад, что у меня такой друг. В людях я ценю любовь к искусству, но, в первую очередь, их личностные свойства, а ты, дорогой Каха, обладаешь наилучшими человеческими качествами», – заявил знаменитый баритон. А его супруга Манана Чиковани рассказала, что несколько лет назад в Доме-музее Мераба Бердзенишвили состоялась очередная масштабная экспозиция Кахи, где они с мужем приобрели несколько его работ. «Очень хочу приобрести его новые работы, так что, у меня дома будет выставка Кахи», – призналась она с улыбкой. Она вспомнила, как они с Бахтадзе работали над созданием двух книг о Ладосе Атанели, которые привели в восторг поклонников певца.

Как отметила Кетеван Томарадзе, редактор книг о Ладосе Атанели, сегодня, в постмодернистскую эпоху, сложно создать что-то новое в искусстве, сказать свое слово. Для этого нужно быть очень образованным человеком, глубоко знающим все тонкости своей профессии и обладающим большой эмоциональной связью с окружающим миром. Каха является именно таким творцом, он – талантливейшая личность, с чувством времени и формы, великолеп-

ным ощущением цвета. «Он необычайно эмоционален, что вы все, вероятно, заметили в его работах. Очень уважаю его как дизайнера книг. Мы вместе осуществили не один успешный проект. Оформление книг – особое искусство, требующее чрезвычайно бережного отношения со стороны иллюстратора, и с этой работой Каха справляется блестяще. Желаю ему не останавливаться на достигнутом, продолжать творческие поиски, и пусть он удивит нас еще одной выставкой в этом году», – подчеркнула К. Томарадзе.

По словам известного актера Гиви Сихарулидзе, его связывает многолетнее знакомство с семьей Бахтадзе, ведь Каха – сын его друга. Наверное, душа отца художника радуется на небесах, что он воспитал такого замечательного сына. «Бердзиев как-то сказал: «Человек, не ищи высоко в небе Бога, он – в тебе, если ты можешь любить мироздание». Так вот, в работах Кахи заложена любовь ко всему сущему», – заключил актер.

По словам самого Бахтадзе, он с детства испытывал тягу к живописи. В одном из интервью он признавался, что родители «баловали» его альбомами великих живописцев, и с малых лет у него была возможность приобщаться к высокому искусству. «Я всегда хотел подражать этим художникам. В детском возрасте нормально, что ребенок учится рисовать на примере

«Женщина»

«Восход»

картин выдающихся мастеров. В старину в итальянских школах живописи была принята практика – поручать ученику делать копию работы известного художника. Позднее, когда человек уже полностью сформируется как самостоятельный художник, он должен выработать собственный стиль, и я говорю моим подопечным, что чем больше индивидуальности они проявят, тем лучше», – подчеркивает художник.

Он говорит, когда дело касается оценки творчества, для

него большое значение имеет мнение профессионалов. Члены его семьи связаны с искусством – дочь оканчивает Академию художеств, сын окончил консерваторию и интенсивно занимается лепкой, и к их советам он особенно прислушивается. В свое время педагоги говорили Бахтадзе: его преимущество состоит в том, что он может на одном дыхании нарисовать всю картину. Причем, это может быть совершенно спонтанно – Каха начинает рисовать, не думая о том, что делает, но в воображении

уже видит завершённую работу: «Когда ко мне приходит вдохновение, я не могу успокоиться, пока не возьму в руки кисть. Могу вскочить в 3 часа ночи или в 6 часов утра, чтобы выплеснуть на холст эмоции, которые в этот момент меня переполняют».

Важнейшую роль в его творчестве играет музыка, поскольку многие работы созданы под влиянием эмоций, полученных от определенного произведения: «Вот послушал я какую-то мелодию и вдруг захотел что-то нарисовать. Знаете, был один испанский художник, который владел гитарой так же виртуозно, как и кистью. Когда он брал на гитаре аккорд, то ясно видел перед собой палитру цветов, которую затем переносил на холст. У живописи есть своя музыка, энергетика».

И тут, разумеется, нельзя не добавить, что зрители, приходившие в Большой зал Грибоедовского театр на концерты, посвященные юбилейным датам со дня рождения Владимира Высоцкого, и сегодня с восторгом вспоминают, как замечательно Каха Бахтадзе исполнял песни великого барда, аккомпанируя себе на гитаре...

ПАМЯТЬ ПРОШЛОГО

■ **Алена ДЕНЯГА**

Издание «Воспоминания репрессированных-1951» на грузинском языке увидело свет в 2020 году. Это документальные свидетельства жертв массового выселения грузинских семей в Казахстан в 1951 году. Составителем и редактором выступила востоковед, публицист и аналитик Кетеван Томарадзе.

– Для меня как редактора, – рассказывает Кетеван Томарадзе, – работа над сборником обернулась крайне тяжелым испытанием в психологическом плане: вживаясь в тексты, ты пропускаешь их сквозь собственную душу, и тогда душа не просто плачет – тебя охватывает чувство полного единения с жертвами репрессий и ненависти к любому произволу и насилию. Но, к счастью, годы не властны над обаянием авторов, их человеческих достоинств, – ведь все они, наши герои, страница за страницей, утверждают неоспоримое превосходство Добра и Любви. Это помогло мне связать их рассказы в единую трагическую повесть.

На страницах сборника вы

найдете воспоминания очевидцев и участников выселения: Барбале (Бабо) Дадиани, Николоза (Кокоши) Чхатарашвили, Кетеван (Чито) Каландадзе, Барамы Барамидзе, Гульнази (Гуки) Горгиладзе, Вану Варашвили, Дато Такашвили.

Когда в «Русский клуб» пришла внучка Бабо Дадиани Мия Гвниашвили и обратилась с предложением издать книгу воспоминаний на русском языке (в переводе Лили Баазовой), оно было поддержано незамедлительно.

В вечер презентации после специального показа спектакля «А.Л.Ж.И.Р» (Акмолинский лагерь жен изменников Родины) на сцену театра имени А. Грибоедова поднялись непосредственные участники событий 1951 года, а также Кетеван Томарадзе.

Барамы Барамидзе вспоминал, как 25 декабря 1951 года тысячи грузинских семей были отправлены в «товарняках» в незнакомый край. Среди высланных были и бывшие военнопленные, и жертвы репрес-

сий 30-х годов, а также семьи тех, чьи родственники жили за границей.

Гука Горгиладзе вспомнила о своей матери – враче Чито Каландадзе, человеку, который был рядом с каждым высланным в минуты радости и горя.

На сцену поднялся и Дато Такашвили, который попал в казахстанскую ссылку в возрасте одного года. Спустя три года ему с матерью разрешили вернуться на родину. Отца отпустили значительно позже.

По словам Кетеван Томарадзе, воспоминания Бабо Дадиани о событиях в Грузии в 20-30-е годы двадцатого столетия, а также репрессиях 1951 года, вызвали взволнованный отклик самых широких кругов грузинского общества. В то же время нельзя не проникнуться чувством огромного уважения и восхищения характером этой грузинской женщины, ее личностными качествами, проявленными в самые злоециные периоды недавней истории нашей страны.

Предлагаем вниманию наших читателей отрывок из воспоминаний Бабо Дадиани.

ДНЕВНИК ВОСПОМИНАНИЙ

Отрывок

■ Бабо ДАДИАНИ

...Мы уже спали, когда в дверь постучали. Это случилось 25 декабря 1951 года. Было три часа ночи. В комнату вошли чекисты и несколько военных. Первым делом они бросились к Георгию и скрутили ему руки. Сперва я подумала – никак, он что-то натворил! Но Георгий сразу все понял, да и мы... Русский военный посмотрев на часы, сказал: «Даю вам один час на сборы». И вдруг увидел чемодан, на котором лежал кинжал. Этот кинжал купили мне в подарок мои братья, Бондо и Дима. Они случайно увидели его в комиссионном магазине, заняли денег, купили и преподнесли мне. Кинжал был очень дорог мне, поскольку принадлежал когда-то моему деду Георгию Шарвашидзе, да и сам по себе он был ценной вещью. «Его братья нельзя!» – сказал русский. Грузины мягче вели себя. Один из них в сердцах проговорил по-грузински: «Ах, какую семью разоряем!» Повернувшись ко мне, он вдруг произнес: «Возьмите себя в руки (а я изо всех сил старалась держаться), в Навтлуги вы увидите около пятисот таких, как ваша, семей...» Хотя я бы

предпочла, чтобы таких было поменьше... Они помогли связать багаж. Я с трепетом обернула свои иконы в чистые наволочки, но Георгий остановил меня: «Мама, ты не перенесешь, если они потеряются!» Он резко рванул с тюфяка покрывало, запихнул туда все фотографии и иконы. А чекист сказал про Лидико: «Это не ваша дочь! Ее надо вернуть родителям!» «А вы у ребенка спросите!» – ответил Георгий. Но Лидико обняла меня: «Я с вами поеду!» Когда нас начали выводить из квартиры, я взмолилась: «Татули лежит с воспалением легких, оставьте ее!» Но какое там! Вынесли наш багаж – то, что было разрешено взять с собой, из соседей же к нам никого не подпустили. Этажом ниже жила семья из нашего села, глава семьи Ражден Эсебуа, дед Татули Дolidзе, был наш добрый друг. Конечно, они бы поспешили к нам, но нас так ловко вывели, что те даже не услышали. Дочь Цисаны Эсебуа вышла замуж уже после нашей высылки, и, родив девочку, назвала ее Татули, в честь моей дочери... Но шум услышали другие соседи, Григорьяны, и всей семьей выбежали во двор. Несмотря на грозное предупреждение не подходить, женщина бросается ко мне, сует деньги, я решительно отказываюсь брать, но она, плача, впихивает мне их в карман. Ее сын, Гриша, совсем еще мальчик, успевает подбежать к машине и быстро спрашивает меня: «Кому сообщить?» – «Улица Грибоедова, 24, там живет моя племянница Тина, скажи ей, только тихо, у нее мать больна, не знаю, как она это перенесет...» Но кто дал договорить! Послышалось грозное: «Скорей! Скорей!» Нас спешно погрузили в грузовик и помчали на вокзал в Навтлуги. Жуткая картина предстала нашим глазам, несметные толпы, грузовые машины.

Кто-то увидел меня и крикнул: «Бабо, снова ты?..» Это был врач Датико Тевзадзе, он был со своей семьей.

На станции стояли два длинных эшелона, наверное, вагонов по шестьдесят в каждом. Когда нас затолкали туда, я увидела, что это не вагоны, а теплушки, предназначенные для перевозки скота, потому и воняло. Спать будем на нарах. Плач, крики, отчая-

ние. И безысходность.

Снаружи шумел народ, но к теплушкам не пускали, наш поезд окружил 8-й полк. И все же, были и те, кто, проявляя жалость, по возможности пытались помочь найти своих: «Пройдите через кольцо, идите, передайте!..»

Эшелон стоял в тупике, поодаль от Навтлугской станции на кахетинской трассе. Неожиданно я увидела в этом скоплении мою Тину Гоциридзе и других близких. Они обнимались, кричали и плакали. Я тоже стала кричать и звать их. Мое горе стократно усилилось оттого, что в эту страшную пучину были втянуты мои дети, Георгий и Татули, у малышки Лидико был затравленный вид... Лучшее, что могло случиться со мной – это умереть, умереть и не видеть кошмара вокруг. Да провались я к черту, только б дети не видели такого!.. И вот стоят эти два эшелона среди плача и криков, один напротив другого, стоим мы, запертые снаружи железным заставом, в холоде и в темноте до 9 вечера. И вот еще – когда наконец, эшелон тронулся и отошел от станции, люди, собравшиеся на кахетинской трассе, пошли за поездом. Я не знаю, откуда они прибывали, но все упорно шли и шли за нами, уже едущими. Они бросали в окошки деньги, одежду, теплые вещи и шли и шли за эшеленом, плакали и кричали нам вслед слова утешения... Как описать эту картину!.. К тому же, оказывается, снаружи на вагонах были растянута красные плакаты с надписью: ДОБРОВОЛЬНО!.. Четырнадцать дней и ночей шел наш поезд, успев обогнуть северный Казахстан и доставить нас в южный. А морозы крепчали и достигали 40 градусов. В пути, во время остановок, двери с лязгом открывались, и нас выпускали по нужде, – спасибо за это доброе дело нашему проводнику Саруханову.

Хотя в теплушках и стояли параши, но пользоваться ими было затруднительно и неловко. В одном вагоне нас набилось тридцать пять человек, теснота страшная, мало того, что вагоны были холодными, вдобавок дуло изо всех щелей. Одежда, которыми мы утепляли стены, покрывались тонкой наледью, и когда мы пытались их снять, на стенах оставались куски ваты. У Татули

осложнилась простуда и вернулось воспаление легких. К счастью, в нашем эшелоне оказался врач, Нодар Цинцадзе, давний товарищ моих детей, из одной школы с Татули. Нодар обеспечил ее лекарствами и всю дорогу заботился о ней. В вагоне имелась чугунка, но топить ее было нечем. На каком-то полустанке наши мужчины увидели раскиданный уголь в огромном количестве, бери – не хочу! Конечно, они притащили, а вернее украли столько угля, сколько успели. И мы, худо-бедно, грелись возле чугунки, но стоило отойти от нее, как мерзли...

В соседнем вагоне ехал Гурам Габашвили с матерью Мариам Габашвили. Гурам и мой Георгий были близкими друзьями, а теперь оказались в одной беде. По соседству ехала семья Кокоши Чхатарашвили – его мать, супруга Нора Лордкипанидзе с ангельски красивыми детьми Темуром и Мариной. Оказывается, когда той ночью 25 декабря за ними пришли, Кокоши в Тбилиси не было. Он приехал следом, с большим трудом отыскал свою семью, и мы все вместе приступили к новой жизни в этих чудовищных условиях.

В другом вагоне, чуть подальше от нашего, ехали Вера Габлиани и бабка Маношки Мирианашвили и Гулбата Давиташвили. Она была не просто глубокой старухой – ее, лежащую больную, притащили на носилках. Сам Гулбат приехал из Франции вместе с теми «французами», которых обманом выманили в Грузию, после чего отправили в Среднюю Азию. Гулбат был хореографом и успел поставить в нашей опере прекрасный детский спектакль. В ночь высылки он находился в Баку, поэтому выслали его мать. При каждом удобном случае, когда эшелон останавливался и двери открывались, я старалась ее навещать.

Однажды на какой-то станции Гурам и Георгий услышали ожесточенный спор дежурного железнодорожника и нашего проводника-чекиста Саруханова. «Здесь интеллигенция, а вы хотите бросить их в пустыне, оставить их в самых безлюдных местах? Знайте, я не двину эшелон!» – с возмущением сказал ему Саруханов. Дежурный молча ушел и

доложил об этом начальнику железнодорожного узла.

И вот пришел приказ: «Передайте машинисту – пусть, согласно распоряжению, идет в самые незаселенные места». Так оно и случилось, и наш эшелон стал первым, попавшим в адские условия. А между тем из Тбилиси в ту ночь отправилось целых 18 эшелонов!

Итак, пробыв в пути все эти четырнадцать дней и ночей, наш поезд остановился в 6 часов утра. Лязгнули железные засовы, раскрылись двери, и мы вышли. Нас ждало множество грузовиков с железными цепями на колесах, – это означало, что предстоит осилить

непролазные дороги. Мало того, помогать грузовикам должны были стоявшие в боевой готовности трактора, именно они должны были расчищать грязь на дорогах, чтобы грузовики смогли проехать через ухабы и рытвины. Сопровождавшие нас чекисты зачитали список фамилий и передали нас чекистам-казахам. Закончив сверку, нас погрузили в кузова грузовиков. Татули, тепло закутанная, сидела в кабинке рядом с водителем: Саруханов, зная, что у нее сложилось воспаление легких, посадил ее в кабинку.

Нас распределили в колхоз Пахтаральского района в южно-казахстанской области. Колхозу было всего два года со дня возникновения – здесь не было ни света, ни школы, ни почты. Контора, где трудились начальники, помещалась в маленькой хибарке, там же примостилось и почтовое отделение. Но многие из нашего эшелона попали в совхоз, где условия оказались лучше, чем в нашем колхозе, – у них там были деревянные полы в домах, и свет. Мы же почти четыре месяца прожили в крайне бедственных условиях, в землянках, где казахи держали коз. Коз убрали, но остались выпачканные козьим навозом стены и мокрая земля под ногами. Пришлось сдирать с книг твердые обложки и с их помощью соскребать грязь со стен.

Неожиданно пришли греки, высланные ранее из Сухуми и Батуми. Они обняли нас, успокоили, принесли нам хлопковые простыни и застелили ими землю.

На второй день нас вызвали

в контору и дали подписать две напечатанные бумаги: одна гласила, что мы высланы «на вечное поселение», да и другая оказалась не более утешительной: «В случае побега нас ждет 25-летняя каторга». Трудно описать, что мы пережили!

Георгий изодрал эти бумаги и швырнул в лицо чекистам: «Сперва скажите, за что вы меня выслали, а после я подпишу!» Я страшно испугалась, запаниковала, стала умолять Георгия: «Подписывай, иначе нас пошлют в разные места, тебя могут арестовать...» Но Георгий, потеряв самообладание, стоял на своем. Мы остолбенели от ужаса!

Вконец изнервничавшийся Георгий сказал мне: «Выходите отсюда, оставьте меня одного...» В это время подъехал «виллис», привезший какого-то чекиста. Войдя в комнату, он подошел ко мне и спросил: «Мамаша, чего вы плачете?» Я ему говорю: «Там сына моего могут расстрелять, он не хочет подписать бумагу на вечное поселение...» Положив мне на плечо руку, он спокойно произнес: «Мамаша, ничего вечного нет!» Его фамилия была Арисланов. Слова этого человека вернули мне разум и успокоение. За все время нашей ссылки эти слова стали мне опорой и придавали сил и надежду. Я никогда не забуду этого человека, это был хороший человек...

В нашей ссылке находилась мать Гиви Габлиани, она была в Грузии известным педагогом, награждена Орденом Ленина – вот такая ирония судьбы! Арисланов приносил ей спрятанную под шинелью бутылку керосина – это было продление ее жизни...

А мы собирали хлопок, норма – 80 кг. в день, и все эти дни стояла невыносимая жара и засуха. Приходилось вычерпывать из канавы грязную воду с червями, выливать в наволочку и процеживать. Я послала Тине (прим. Тина Гоциридзе, племянница мужа Бабо Дадияни Алешы Масхарашвили) наш адрес и описала наше положение. Конечно, обо всем я писать не могла, боясь навредить (хотя неприятности ее не миновали). Наконец, спустя три месяца, пришла первая почта – ее привезли на верблюдах, ведь грязь лежала слоями, поэтому машины не шли. Как мы ждали изве-

стей из Грузии! И вот они, наконец, – письма, посылки, деньги... Несмотря на дикий сталинский режим и всеобщий страх, наши друзья и сотрудники не забывали нас, и все это время заботились о нас как могли...

Месяцев через пять мы с помощью близких друзей перебрались в совхоз «30 лет Октября». Это был большой совхоз с четырьмя отделениями, и главное, там было много наших грузин. Весною нас увозили на машинах на хлопковые плантации, где мы пололи и мотыжили, в осеннее же время, до наступления морозов, собирали хлопок. Татули устроилась в конторе статистиком, до этого там работал Георгий, он отдал ей свое место, а сам пошел в электрики.

К Татули поступали сведения из отделений с указанием количества хлопка, собранного каждым из этих отделений. При этом в количество веса добавлялись нули, и эти показатели, распухавшие затем в Алма-Ате, посылались в Москву. Ничего не зная об этом, Татули отправляла данные главному статистику и директору, а те уже пересылали дальше ложные показатели. Но случилось так, что однажды, когда не было на месте ни главного статистика, ни директора, а сведения надо было срочно передать, и Татули отправила их в том виде, в каком ей прислали отделы. Когда вернулся директор и узнал об этом, он пришел в ярость, орал на Татули и осыпал ее грязной руганью. Татули пришла домой заплаканная, никогда в жизни она не слыхала подобных слов...

...После смерти Сталина мы получили кучу телеграмм от родных, друзей и знакомых: «Поздравляем с днем рождения!» Такие же телеграммы получили и многие наши, а на почте удивлялись: «Что это вы, грузины, все в один день родились?»

И все же положение наше отныне заметно облегчилось. Пошли освобождения: прибывал эшелон и группами увозил спецпоселенцев. Уже освободили многих наших близких – Чхатараишвили, Габашвили, Варазашвили... Но неожиданно после ареста Берии что-то произошло: «наверху», по-видимому, решили, что все надо заново пересмотреть, поэтому наше освобождение

затягивалось. Нам удалось перебраться в город Чимкент, где мы сняли комнату в семье узбека. Там, в Чимкенте, случилось чудо: мы встретились с Адой Комнин, супругой Габо Ратишвили – давними друзьями еще с тех времен, когда наши родители были по-родственному близки.

Поэтому встреча с Адой и Габо напомнила встречу Робинзона Крузо и Пятницы – это была неожиданная радость! И теперь наши с ними отношения продолжились в изгнании, далеко от родных мест, в чужом для нас Казахстане. И там же, в Чимкенте, нашу тягостную жизнь осветила еще одна радость: к нам приехал жених моей Татули, скульптор Тенгиз Гвиниашвили, приехал и увез мою дочь! По тем временам это был исключительный, героический поступок, ведь мы еще не были освобождены! Это стало совершенно особенным событием в моей тогдашней жизни, и, конечно же, мой зять заслужил отныне мое вечное преклонение и восхищение. И нас осталось в Чимкенте трое – я, Георгий и Лидико. И, конечно, с нами всегда были рядом Ада Комнин со своим супругом Габо Ратишвили.

Но надо же мне было именно в это время схватить болезнь Боткина. Георгий незамедлительно отвез меня в больницу. Она находилась далеко от нашего жилища, но он три раза в день приносил мне еду. Он обошел весь город, чтобы купить необходимый для меня «Боржом», пока наконец, какой-то добрый грек не помог достать его. Я очень тяжело перенесла болезнь, и, вернувшись домой, еще долгое время была слаба.

Сидим мы как-то с Георгием в саду – в Чимкенте был большой красивый сад, и вдруг, не знаю почему, я говорю: «Ступай до конца сада, а я пойду тебе навстречу, и сделаем вид, будто мы встречаемся, как знакомые». Георгий дошел до конца сада, повернул, чтоб идти обратно, и я пошла навстречу. Он, как знатный кавалер, молодецково щелкнул каблуками, почтительно произнес: «Здравия желаю, Варвара Николаевна!», и поцеловал мне руку...

***

... От Гурама Габашвили при-

шло письмо: «Бросайте Казахстан и приезжайте!» А мы все еще жили тогда в узбекской семье на улице Доласкс. У нашего хозяина было девять детей. Вдруг пришло известие, что скончалась его мать, жившая в другом городе. Плач узбеков по покойному я могу сравнить только с мингрельским. На похороны отправилась вся семья, но старшего сына хозяин оставил приглядывать за нами. Ведь мы каждый месяц должны были отмечаться в комендатуре местного МВД, подтверждая, что пребываем на месте. А Гурам Габашвили удивлялся и спрашивал: «В чем дело? Разве вы не получили бумагу об освобождении? Не ждите документов, плюньте на все и приезжайте!» Должна сказать, что и в моей голове уже сквертелась такая мысль. «Давай, сбежим», – говорю я Георгию. Георгий подхватил мое предложение, и мы ударили по рукам. Но все надо было держать в тайне, ведь мало ли что могло случиться в дороге, и тогда мы оба должны были отвечать за побег. Об этом мы признались только Аде Комнин, но она тяжело переживала расставание с нами и боялась за нас... Итак, Георгий, Лидико и я легли спать, укрывшись пальто.

Георгий успел послать багаж контейнером, хотя и волновался, чтобы хозяйский сын не прознал об этом. Но, к счастью, того в это время не было дома. «Мама, ты спишь?» – спрашивает Георгий. И Лидико подает голос: «Я тоже не сплю!» Мы никак не могли уснуть, заснули лишь к рассвету. Никогда не забуду, как проснувшийся Георгий, взглянув на часы, воскликнул: «Все, опоздали!» Время подходило к девяти утра, когда на улицах было полно народу. Схватив пальто, Георгий в одно мгновение буквально вылетел из дома и вскорости приехал на машине. Я наложила на ухо кусок ваты и обернула бинтом голову: «Я больна!» Мы сели в машину, наш «смотрящий» ничего не увидел, и мы помчались в Ташкент. В дороге Лидико стало плохо – она не выносит машину. Мы молча сидим, боясь заговорить, чтобы водитель не догадался, что мы грузины, да еще ссыльные. Но Лидико пришлось несколько раз выходить из машины, и Георгий, смеясь,

сказал: «Гурам Габашвили писал – плюньте на все, но не блюйте!» Удивленный водитель спросил: «Вы грузины?» И мы без опаски продолжили путь в задушевных беседах. В Ташкенте мы отправились к моему родственнику Мишико – ровно 31 декабря, под самый Новый год. Нас встретили замечательно, по-домашнему, что стало для нас преддверием возвращения на родину.

На душе было тепло, и встреча Нового года прошла замечательно. Но, сев в поезд, мы испугались – ведь у нас с собой не было никаких документов... Поэтому мы всю дорогу тихо просидели в своем купе, даже не выглядывая оттуда. Приехав в Москву, отправились к Казишвили, потом мы с Лидико поехали к Мирзоянам, а на второй день уехали в Тбилиси. Георгий взял билеты на поезд «Москва-Ереван».

– Почему не «Москва-Тбилиси»?.. – недовольно сказала я. – Ведь я только и думаю, что о Тбилиси...

– Других билетов не было! – ответил Георгий.

На тбилисском вокзале нас ждала масса народу: родственники, мои сотрудники, одноклассники Георгия, друзья, весь класс Лидико – ее тут же, с вокзала, потащили в кино. Обняв Татули, я шепнула ей, что мы сбежали. И мы отправились в нашу квартиру на улицу Дзержинского № 1. Татули вернули ключи от квартиры в госкомитете, и мы вошли в опустелые комнаты. Моя золовка Аничка заранее принесла стулья, обеденный стол купили сотрудники моего института, каждый понемногу принес самое необходимое... На второй же день мне надо было явиться в местное отделение МВД к Шургая. Шургая меня хорошо принял, но спросил: «Почему же вы не дождались получения документов?» И показал мне «молнию» из Казахстана: Спецпереселенцев семью Дадияни-Масхарашвили арестовать и этапным порядком выслать обратно в Казахстан.

У меня подкосились ноги, и Шургая увидел перед собой побитую жизнью женщину со следами болезни на лице. «Вы болели?» – участливо спросил он. Я сказала: «Да, болезнью Боткина... Мне было очень плохо, я решила не ждать документов,

Бабо Дадияни с семьей

чтобы не умереть там, я хотела умереть на своей земле, в Грузии...»

«Успокойтесь, дорогая, вам нанесли столько ударов, что мы решили помиловать вас, только подпишите эту бумагу». Меня как громом сразило: не иначе, как они предлагают мне сотрудничать с ними! Надо или покончить с собой, или вернуться в этот Казахстан на вечное поселение... Но в бумаге было написано, что я не имею права без разрешения МВД покидать Грузию! Переведя дух, я сказала: «Если вы сами меня не вышлете, я из Грузии и шага не ступлю». Шургая засмеялся.

***

Годы проходят, один за другим, но прошлое стоит передо мной, словно это было вчера... Как-то мы с моим Алешей ехали в Батуми. В пути какой-то англичанин (и откуда он тогда взялся!) обидно и оскорбительно выразился о грузинах, Алеша, не выдержав, вlepил ему оплеуху. Англичанин выстрелил в Алешу, мы тогда едва его спасли!.. Свидетелем этого случая стал брат жены Нико Мухелишвили, Тер-Микаэлян. После этого он при каждой встрече с нами с восторженным одобрением вспоминал этот поступок Алешы... Но кто мог знать, что меня ждало в будущем? Оказывается, меня, еще совсем молодую, ждали аресты,

и снова аресты, аресты, ссылки, самые страшные слова, которые говорят человеку: «БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ!»

Когда я, в поисках супруга, поехала в Ростов, когда я металась от горя и бегала от одного эшелона к другому, третьему и громко звала его по имени, когда я всучила какому-то арестанту теплый тулуп, чтобы он передал Алеше – а вдруг он с ним встретится? – я, обезумевшая, не знала, что мой Алеша уже расстрелян... Ведь сказали: «Без права переписки!»... Расстреляли моего любимого деда, моих дядей...

Мой брат Бондо Дадияни ждал исполнения смертного приговора в камере смертников. Неожиданно к нему зашел его бывший друг, работавший в то время по части арестантских камер. Он сказал: «Я хочу выполнить твою последнюю просьбу!» И дал ему возможность в последний раз повидаться с женой и детьми. Приговоренный к расстрелу Бондо вернулся в камеру в точно оговоренное время. В последний момент его спасла присланная из Москвы бумага о помиловании за подписью Энукидзе... На самом деле, надежда – она цепляется за невозможное, и я это понимаю. Ведь по законам древних афинян изгнание из отечества и смертная казнь считались равновеликими наказаниями. Злые времена дважды «удостоили» меня этой участи...

Гелатский монастырь

СОКРОВИЩНИЦА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПОПОЛНЕНА

■ Ханна ПЕНМАН

В Грузии обновили сокровищницу культурного наследия. Как известно, основанием для присвоения объекту статуса памятника культурного наследия является ценность, связанная с его древностью, уникальностью или аутентичностью. А цель – защитить народное достояние в рамках правовых норм, беречь, как зеницу ока, и дальше. На этот раз статус нематериального культурного наследия присвоен следующим грузинским традициям: ртвели (празднику сбора винограда); ритуалам, связан-

ным с заболеванием «Батонеби»; культуре грузинской пшеницы; традиции Академии наук Гелати; традиции приготовления мцхетских пирожков; традиции приготовления апохти, апохтис хинкали, цибо в месхетинской кухне. Соответствующий приказ генерального директора Национального агентства по охране культурного наследия Грузии Николоза Азнаурашвили вступил в силу в январе 2023 года.

Ртвели

Сбор винограда – ежегодное

культовое событие в Грузии. Помимо внушительной культурно-исторической составляющей, – это важный компонент экономики. Старинный праздник издавна окутан легендами и преданиями, до сих пор не теряет актуальности и является своеобразной визитной карточкой Грузии. Корни его уходят в традицию празднования середины осени с ее обильным урожаем фруктов. Сам по себе праздник не привязан к конкретной дате, поскольку зависит от созревания винограда в разных регионах страны. Традиционно он начинается в конце сентября на востоке страны, в Кахетии, и в середине октября – на западе, в Рача-Лечхуми.

Пьянящий и терпкий ртвели сближает. На сбор винограда обычно съезжаются самые близкие гости, родные и добрые соседи. С раннего утра собирают виноград (иногда это длится несколько дней), а потом обязательно празднуют это событие многоголосным пением за шумным застольем. Далее, по традиции, дают виноград в деревянных больших давилках (сацнахели) ногами, сок сливается в глиняные кувшины квеври, закопанные в землю в марани – винном погребе. К слову, уникальный метод приготовления вина в квеври, не имеющий аналогов в мире, с 2013 года, по решению ЮНЕСКО, входит в список мирового культурного наследия.

О традициях ртвели в Грузии сняты десятки кинофильмов, написаны сотни книг и живописных картин. Чего стоят только картины Пиросмани! А любимый грузинский зять Грибоедов воспел ртвели в своих стихах: «Там, где вьется Алазань, веет нега и прохлада, где в садах собирают дань пурпурного винограда...». Слава ртвели давно уже вышла за границы грузинской земли. Энофилы и профессиональные сомелье со всего мира с удовольствием съезжаются в разные уголки Грузии, чтобы увидеть этот уникальный культурный перформанс, окунуться в неповторимую атмосферу и насладиться почти сакральным торжеством любви природы и человека.

Гр. Гагарин. Ртвели в Кахетии. 1847

Культура грузинской пшеницы

Грузинская пшеница уже представлена и на включение в список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране ЮНЕСКО. История гласит, что самые древние зерна пшеницы, обнаруженные на территории Грузии, датируются VI-IV тысячелетиями до нашей эры. Научно подтверждено, что пять из 20 известных миру видов пшеницы происходят из Грузии. Всего в Грузии растут 14 видов пшеницы 150 разновидностей, колоссальное число для такой небольшой по площади страны.

Традиция Академии наук Гелати

Исторически Гелатский монастырь Рождества Пресвятой Богородицы близ Кутаиси, основанный по инициативе царя Давида Агмашенебели еще в XII столетии, являлся культурным и интеллектуальным центром Грузии. Царь отличался высоким христианским благочестием и страстно любил духовное чтение. Согласно преданию, он завещал похоронить себя в монастыре так, чтобы входящие туда люди наступали на могильную плиту. Поэтому ученые считают, что могила в южных вратах монастыря

с надписью на каменной плите: «Это покой Мой навеки, здесь вселюсь, ибо Я возжелал его» — является местом его упокоения.

Именно в этом средневековом монастырском комплексе была учреждена Гелатская академия: в ней трудились грузинские ученые, богословы и философы, многие из них ранее работали в различных православных монастырях за рубежом, таких, как монастырь Мангана в Константинополе. В частности, среди выдающихся религиозных авторов академии Гелати можно назвать Иоанэ Петрици, Иоанэ Шавтели, Арсена Икалтоели.

В период основания и расцвета академии характерен интерес «академиков» к античной философии. Они занимались переводами, комментировали их, создавали оригинальные произведения. В академии, согласно историческим источникам, преподавались геометрия, арифметика, музыка, грамматика, риторика, философия, медицина и даже астрономия — была оборудована обсерватория, причем наблюдения за звездами велись и днем, из специально устроенного глубокого колодца.

Здесь изучались восточные и западные языки, что было вы-

звано и многонациональностью грузинского государства, и увлечением образованного грузинского общества иранской, арабоязычной и античной культурой. Академия имела уникальную библиотеку, а также успешно вела религиозную работу, за что учреждение в ту эпоху называли «новой Элладой» и «вторым Афоном».

Новую историю Гелатская академия наук обрела в 1995 году и с тех пор успешно функционирует. Ученые в ее стенах трудятся в таких научных сферах, как картвелология, филология, история церкви, библеистика, патристика (философия и теология отцов церкви), патрология (учение об отцах церкви) и других. Кроме того, в Гелатской академии наук постоянно проводятся конференции, издаются богословские журналы, книги, проводятся выставки и другие культурно-просветительские мероприятия.

Ритуал «Батонеби»

История «Батонеби» (от грузинского слова «господин, владыка») начинается с грузинской мифологии: так называли злых духов, которые насылали на людей болезни. Были известны духи, приносившие корь (Цитела

Батонеби), коклюш (Хвела Батонеби), оспу (Диди Батонеби) и др. Кстати, все эти мифологические существа считались детьми древнего грузинского божества Нана. По преданию, когда в семье кто-то заболел одним из этих недугов, родные для его излечения проводили ритуал. Они задабривали злого духа сладостями, украшали для него подарками деревце, зажигали в лампадке ореховое масло, а главное – завешивали комнату красной тканью и пели ритуальную молитвенную песню.

В книге «Лучшее, чего у меня нет» писательницы и журналиста Анастасии Хатиашвили мы встречаем описание этого ритуала: «Я заболел, потому что в наш дом ворвались Батонеби, злые духи, от вида которых тебя всем телом передергивает, ведь они с головы до пят пропитаны инфекционными болезнями. И мой юный организм не смог противостоять их силе и заразился. Ко мне пожаловал Цитела Батонеби, дитя божества Нана. У него длинный нос, приплюснутая голова, фиолетовые глаза, длинный язык и уши, из которых постоянно идет жуткое зловоние. От него мне все время дурно, жарко, грудь рвет кашель и клонит в сон. Моя мама переживает за меня больше всех. С утра она перемыла весь дом водой с хлоркой, в духовке приготовила для Батонеби жертвоприношение – свои фирменные булочки с шоколадом и вишней. Она купила карликовое дерево на базаре, притащила его в мою комнату, украсила самодельными конфетами, разложив под ним свою вкусную ароматную выпечку. Рядом зажгла лампаду с ореховым маслом, занавесила весь дом красной материей. И начала выть ритуальную песню-мольбу».

Часто Батонеби описываются как мусульманские наездники в белом одеянии. Также упоминалось, что страдающие этими болезнями, то есть те, кого «наказали» батонеби, слышали топот копыт, а некоторые даже уверяли, что испытывали боль, как от ударов хлыстом.

Мцхетские пирожки и месхетинское апохти

Статус нематериального куль-

Апохтис хинкали

турного наследия получили и кулинарные изыски Грузии – знаменитые мясные пирожки, которые традиционно готовят в древней столице страны – Мцхета, а также настоящее гастрономическое наслаждение – апохти из региона Месхети.

Что ходить вокруг да около – ловите рецепт мцхетских пирожков. Для теста вам понадобится 800 гр муки, 25 гр сухих дрожжей, 1/2 чайной ложки соли, 1 яйцо и 400 мл теплой воды. Замесите тесто, дайте ему «отдохнуть». Мелко нарежьте и обжарьте лук. В отдельную сковороду поместите мясной фарш, добавьте черный перец, уцхо сунели и 40 мл растительного масла. Обжарьте. Отварите рис, соедините с мясным фаршем и добавьте 1 яйцо. Разделите тесто на небольшие кусочки. Каждый кусочек раскатайте в тонкую лепешку, в центр лепешки положите начинку, залепите по краям и сформируйте пирожок. Жарьте на сковороде до золотистого цвета и – вуаля! – «мцхетури гвезели» готовы!

Что касается апохти, то это блюда из вяленого мяса (апохти). В их числе ребрышки и хинкали, изготовленные из рубленой вяленой говядины. Также апохти делают из ягнятины, козлятины и мяса дичи. Почти в каждой месхетинской семье апохти готовят зимой. После закалывания скота мясо разделяют и нарезают

на тончайшие пласты, которые сначала на несколько дней засаливают, а потом высушивают. По преданию, такой способ заготовок связан с историческим прошлым – в этом краю было много войн и миграций, и людям нужно было иметь при себе, так сказать, «мобильную» пищу.

А апохтис хинкали – это хинкали, начиненные тем самым рубленым вяленым говяжьим мясом. Однако, в отличие от своих «собратьев», классических мтиульских или городских хинкали, месхетинские – сравнительно меньшего размера (чем-то напоминаютпельмени), а после варки их посыпают тушеным луком. Вкусно – пальчики оближешь!

Нам остается напомнить, что согласно данным Национального агентства по охране культурного наследия, на сегодняшний день в список нематериального культурного наследия Грузии входит свыше 60 традиций, обрядов и других нематериальных объектов. В их числе – зажигательный аджарский танец «Гандагана», картули супра – грузинское застолье, грузинская борьба, грузинская церковная музыка и песнопения, древний грузинский метод пивоварения, способы приготовления хачапури и мацони, грузинский национальный наряд чоха-ахалухи, 26-вековая традиция грузино-еврейских отношений и многое другое.

Александр Флешин

«ЗДРАВСТВУЙ, МТАЦМИНДА, – ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ ТБИЛИСИ!»

■ Нодар НИКУРАДЗЕ

В этом году исполняется 95 лет со дня рождения Александра Флешина, переводчика, коллекционера авангарда, поэта, влюбленного в Тбилиси. Он родился в Москве, его отец был парторгом на стройках столицы, Урала, Сибири, в первые же дни Великой Отечественной ушел добровольцем на фронт. Попал в окружение, вышел оттуда, в Москве пришел в военкомат был арестован и получил 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах. В 1950-х вернулся и был реабилитирован. А мама Саши училась в Киевской консерватории сразу на двух отделениях – вокальном и фортепианном, окончила уже Московскую консерваторию».

В годы войны Александр с классом он был в эвакуации под

Алма Атой, а потом перевелся в школу рабочей молодежи: пришлось работать. Поменяв четыре вуза, окончил Институт культуры. В конце 1962 года у своего приятеля, художника Миши Тарасенкова, познакомился с Эллой. С тех пор они не расставались... Творчество Александра Флешина, увы, было мало известно при его жизни. Хотя его стихами восхищались Рюрик Ивнев, Аркадий Штейнберг, Вениамин Левик, а в ближний дружеский круг входили поэты Леонид Иоффе, Евгений Сабуров, Валерий Шленов, Дмитрий Авалиани, Леонид Чертков, Владимир Гершуни...

В 60-е годы Флешина приняли в секцию стихотворного перевода Комитета литераторов при издательстве «Советский

писатель». Это давало возможность широко общаться с представителями интеллигенции различных республик. Больше всего он переводил с грузинского - Мориса Поцхишвили, Отара Шаламберидзе, Шалву Амисулашвили и других. Два-три раза в году бывал в Тбилиси, переводы публиковались в журнале «Литературная Грузия» и газете «Заря Востока», в московской прессе, звучали на Всесоюзном радио. С 1965 входили в сборники стихов поэтов

народов СССР. В эти же годы берет начало и знаменитая коллекция Александра Флешина, в которую постепенно вошли авангардные картины работы Артура Фонвизина, Владимира Яковлева, Анатолия Зверева, Владимира Вейсберга, Михаила Гробмана, Дмитрия Плавинского, Владимира Немухина, Валерия Лопухина, Бориса Свешникова, Аркадия Штейнберга...

Вообще, большинство друзей А. Флешина (после литераторов) – художники и другие коллекционеры, в том числе Борис Фридман (большой почитатель творчества тбилисца Ильи Зданевича и куратор его выставок), Валерий Дудаков, патриарх коллекционирования, крупнейший собиратель русского авангарда Георгий Костаки... Однако неоднозначность советского времени коснулась и Александра. В 1974-м году он был осужден на четыре года за «хранение и распространение антисоветской литературы». При обыске все западные издания, антикварные книги и книги по искусству были конфискованы.

Он побывал в застенках Лефортово, в лагере и на стройке в Коми АССР, но и там продолжал писать. Свои произведения Александр посылал жене в письмах. Они все сохранились. Весной 1978 года он вернулся домой. А в 1980 году восстановилась поэтическая связь с Грузией. Радость встречи с любимым городом воплотилась в стихотворении «Здравствуй, Мтацминда!»

Здравствуй, Мтацминда!
К тебе после долгой разлуки
Снова пришёл я по старым размытым следам.
Видишь, протянуты полные радости руки,
Всё, что имею, и всё, что умею, – отдам.

Прожитый год растворяется в воздухе чистом,
Косо скользит по траве его бледная тень.
Ты выплываешь навстречу, как остров, как пристань.
Ливнем улыбок омыт этот солнечный день.

Я отыскал к тебе путь не по снам и приметам.
Твой Пантеон мне являлся прекрасной строкой.
Воздух, что нужен влюблённым, орлам и поэтам,
Здесь протекает широко и вольной рекой.

Солнце ласкает туманом повитые выси.
Город внизу, словно улей бессонный, гудит.
Здравствуй, Мтацминда, –
Горячее сердце Тбилиси!
Слышишь, твой стук у меня отдается в груди.

Долгая тесная дружба Флешина с Ладом Гудишвили нашла свое отражение в нескольких стихотворениях, посвященных великому грузинскому художнику. Вот – отрывки из «Дома на Кецховели»:

.....
В тиши, за гранью суеты,
столь чужеродного вначале,
картины, люди и цветы
меня приветливо встречали.

И стоило коснуться лишь
остывшего, казалось, пепла,

как в этот зал вливал Париж
со всем, что в нем цвело и крепло.

Друзья хозяина тех лет
Сутин, Пикассо, Модильяни –
тут все, чей протянулся след
в чудесный мир воспоминаний.

Я находил здесь, что искал,
когда, осмысливая были,
мне «Тетру» подливал в бокал
седой Ладо Гудиашвили.

А со стены на нас Нино
глядела долгим, нежным взглядом
и это светлое вино
пригубливала, сидя рядом.

Гудиашвили подарил поэту рисунок «Очаровательная Нани». На обороте - надпись: «Дорогому Саше Флешину! Не бойтесь загадочного взгляда этой женщины. Это только дружба и любовь. 27 ноя. 1965 г. Тбилиси». Эта работа стала украшением выставки «Из глубины шестидесятых...», которая прошла в московском Литературном музее в 2015 году. На выставке, приуроченной к десятилетию кончины Александра Ефимовича, были представлены картины из семейного архива, подаренные в разное время друзьями-художниками. Демонстрировалась и уникальная книга Михаила Топурия «Ладо Гудиашвили». На этом экземпляре художник нарисовал виньетку с косулей и голубкой и сделал надпись: «Дорогому и замечательному поэту Саше Флешину, желаю много поэтических радостей в творчестве и в жизни. Ладо Гудиашвили. 18.III.70. Тбилиси».

Михаил Топурия и Александр Флешин так подружились, что, приезжая в Тбилиси, поэт часто останавливался у него дома. А если Флешин жил у других знакомых, то Топурия очень обижался. В числе друзей поэта были и чеканщики - Мито Кипшидзе и Коба Гурули. В стихотворении, посвященном К. Гурули, мы словно слышим перезвон с инструментом чеканщика:

Под прозрачным небом синим
Беспредельна даль сквозная.
Скачет рыцарь по равнине,
Конь усталости не знает.

В стену врезанный навечно,
Воплотившийся в металле,
Он спешит, предвидя встречу
С тем, к кому его послали.

«Ти-на-тин» – щебечут птицы,
«Ти-на-тин» – лепечут травы,

Александр и Элла Флешины

«Ти-на-тин» – царевне снится
Автандил... И бой кровавый.

А ему – блуждать в потёмках
Вместе с верным Таризлем...
Сквозь века летит к потомкам
Мудрый голос Руставели...

В 1979 году Флешины купили избу в деревне Погорелка Нижегородской области на реке Ветлуге, за 750 км от Москвы, и стали, как говорил Александр, «избачами». В течение 27 лет все летние месяцы Александр и Элла проводили там... 2 сентября 2005 года Флешина не стало. У его могилы на ветлужском кладбище растет сосна, цветут ландыши и лесная земляника. А за тысячи километров, в его любимой Грузии, друзья по-прежнему помнят любимые стихотворения, созданные дорогим другом Александром Флешиним...

***

Генацвале. Шени чириме.
Ласковая твердость этих слов.
Вызрели в ночи (чем ночь черней,
Тем надёжней верности весло).
Раковины светлых душ людских
Те слова жемчужины хранят.
Чтобы ты, однажды вынув их,
Мог по-братски одарить меня.
Словом можно все замки сломать.
Слово – светит факелом во тьме.
Сколько теплоты в простых словах;
Генацвале, Шени чириме!

Ляман Багирова

АМАГЛЕБУЛИ. ЗЛАТОУСТ (из цикла «Тбилисские сны»)

Ляман БАГИРОВА

Родилась в Баку. Окончила Азербайджанский педагогический институт русского языка и литературы. Филолог-русист. Заведующая сектором новых книг в отделе Национальной Библиографии Национальной Библиотеки Азербайджана. Публикации в газетах и журналах – «Литературный Азербайджан», «Мир литературы», а также в различных сборниках России, Беларуси, Украины, Узбекистана. Была удостоена диплома и премии Посла России в Азербайджане Владимира Дорохина «За творческий вклад в поддержку и развитие русского языка и литературы в Азербайджане» (2017). Награждена литературной премией им. Сергея Смешко с вручением почетного диплома (2017). Автор нескольких книг рассказов и эссе. Лауреат международных литературных конкурсов. Член СП Азербайджана и Российского союза писателей. Живет и работает в Баку.

Посвящается Валентине Аситашвили и ее семье.

Друзья, я буду хранить в своем сердце праздник, который вы создали для меня.

Вместо предисловия: Когда усталая душа отказывается что-либо воспринимать или начинает выдумывать монстров воображения, спасение одно: уехать! Неважно куда: к морю, в горы, к реке, в другой город, в деревню, в лес...

Дорога исцеляет. И рождает неведомое томительное чувство... Господи, как чутко улавливает душа это тончайшее состояние – словно волшебный Föhn (южный ветер) – еще не ветер, а только предтеча ветра странствий – и ты не можешь ему сопротивляться.

«Грузины сохраняют вино в узких длинных глиняных кувшинах и зарывают их в землю. В этом прообраз грузинской культуры – земля сохранила ее узкие благородные формы..., запечатлела полный брожения и аромата сосуд...»

О. Мандельштам

Походка в Тбилиси становится медленной. Жизнь проникает в тебя, словно солнечное вино – по глотку, пронизывает твоё существо, наполняя его бархатной истомой. Так, наверно, боги на Олимпе вкушали от даров виноградной лозы, иронично поглядывая на землю – как вы там, люди? Не забываете ли восславить нас, бессмертных, за счастье жить?!

Нет, не забываем! Только за будничной рутинной благодарностью немного отступает, словно тушется, но потом... Ей не будет границ, стоит только перевести дух.

– Это что за улица? – спрашиваю я, упираясь взглядом в небольшую дощечку с витиеватыми буквами.

– Это-о-о? (речь в Тбилиси тоже мгновенно меняется, становится певучей, независимо от языка, на котором говоришь) – нараспев отвечает моя милая спутница. – Это АмаглЕба – улица Вознесения.

Она произносит это короткое слово так музыкально, что у меня захватывает дух. Кажется, что у слова ударение на всех четырех гласных – так раскатисто, словно на качелях, перекачивает она в горле звуки, особенно выделяя гортанное с придыхом «г». Поднимает его на ударную ступеньку к «е», а оттуда, по неведомым законам физики и фонетики, опять подчеркивает, возносит к «а». «Амаглеба» – вознесение...

Пожалуй, что так. Трудно найти лучшее определение этому городу. Он, действительно, вознесенный. Проросший, выдолбленный в горах, скалах. Шаг за шагом, камень за камнем поднимавшийся к небу и явивший ему красоту человеческого труда и таланта.

– Нэт!!! – быстро прервал бы мои думы экскурсовод Гиви из Нарикалы. – Нет! Не только труд и талант. Главное – терпение! А потом – любовь. Не будет тер-

пения и любви, не построишь ни города, ни семьи!

Я помню его – дочерна загоревшего, словно выжженного солнцем – худого экскурсовода у ворот в древнюю крепость Нарикала.

Поначалу мы приняли его за каменщика или угольщика. В соломенной шляпе, черных рубашке и брюках (таких пыльных, что казались седыми), и улыбке в девять зубов он никак не производил впечатления историка-златоуста.

Но стоило ему заговорить, как первоначальный облик распался и явился другой – изящный, немного застенчивый образ человека, влюбленного в свое дело.

*Мой город – звук, и цвет, и вкус –
В потемках раннего тумана
Был как надрезанный арбуз
Прекрасен тем, что без обмана
Хорош: в течение годов
Уже созрел, но не состарен.*

«Тифлисские рассветы».
Георгий Леонидзе.

Наш златоуст перебирал исторические факты, даты, цитаты из великих и старинные легенды, как сокровища из ларца. Полуденное солнце позолотило памятник Матери-Грузии и словно задремало на ее плече.

– Вот! – торжественно воскликнул Гиви. – Посмотрите! Никакой труд и талант ничего бы не сделали, если бы не терпение и

любовь!

Мы недоуменно воззрились на памятник. Большая металлическая женщина: в правой руке меч, в левой – чаша.

Гиви терпеливо улыбнулся.

– Видите, Мать-Грузия держит меч внизу, а чашу с вином подняла высоко. Это значит, что мы дружей встречаем миром и вином, но и меч держим тоже. И если что, поднимем его против врагов. Но, в первую очередь – терпение и любовь – чаша с вином высоко поднята, вознесена к небу!

Слышно было, как в древней каменной кладке шуршали ящерицы. Некоторые из них грелись на солнце и время от времени приподымали головы. Видно, им тоже любопытно было услышать историю родного города.

«Амаглеба», «амаглебули» – вспомнилось мне. «Вознесение», «вознесенный», обласканный солнцем, омытый соком виноградной лозы город.

– Вы знаете, – не обращая внимания на мою рассеянность, продолжал экскурсовод, – что Тбилиси построил царь Вахтанг Горгасали. По легенде, он охотился в этих местах и подстрелил фазана. Когда царю поднесли птицу, она оказалась уже вареной, потому что упала в горячий источник. И тогда царь решил основать здесь, на источниках горячих серных вод, город и назвал его Тбилиси, что значит «теплый».

А потом и вовсе перенес столицу из Мцхеты в Тбилиси. Это

все так, но не это главное. А главное в том, что если бы не было у Вахтанга терпения, любви и божьего благословения, то никакого города бы он не построил. Или тот бы разрушился быстро. А как видите, вознеся к небу и радуется сердцу и глаза...

Он замолк, сосредоточенно глядя на расщелины кладки. Любопытные ящерицы слушали его, замерев. Солнце коснулось легкой бронзой стен Нарикалы, и я мгновенно поняла, почему на старинных грузинских фресках и картинах Ладо Гудиашвили царствуют, ликуя, только два цвета: лазурный и бронзовый – небо и нагретый солнцем камень – нежность и труд.

– А вы чем занимаетесь? Кто по профессии? – прервал молчание Гиви.

– Мы пишем... – ответила спутница.

– Писатели? – заинтересованно и немного насмешливо спросил он. – Мы засмеялись.

– Так, немного... Литераторы, одним словом.

Он покачал головой и вдруг, озорно усмехнувшись и чуть покачиваясь на длинных ногах, прочитал нараспев:

*Поэтов полно –
Даже боязно!
Вернее, полно сочинителей.
Многие как с любовницей
Сожительствоуют
с чернильницей
Многие пишут узорно,
Только их пыл притворен,
Ибо в их ступках не зерна –
Разве что видимость зерен
... Надо бы быть поестественней
И одарять с достатком
Черным вином поэзии,
А не его осадком!*

«Поэты Тбилиси».
Георгий Леонидзе.

Декламировал он с сильным акцентом, но крылатые строки возносились в воздух. «Вряд ли бы они звучали так легко, если бы он читал их правильно», – подумала я.

– Чьи стихи, знаете? – златоуст прищурился.

Мы пожали плечами.

– Это Георгий Леонидзе, – подняв указательный палец, произнес он. – Известный поэт! На

Георгий Леонидзе

Мтацминде в Пантеоне были? Его могилу видели? Как орел с раскрытыми крыльями?

– Да, да! – закивали мы. Георгия Леонидзе я читала еще в школе и восхищалась чеканной стройностью его стиха, но многое уже выветрилось из памяти.

– Это я к тому, – не опуская пальца, продолжал златоуст, – что писатель должен пронзать сердце или лелеять его. Только тогда будет соблюден закон вечности! Об этом наш великий Нодар Думбадзе знает, как сказал?

Мы приготовились выслушать еще одну цитату! Черт поberi, даже цитаты в этом городе воспринимаются легко, воздушно и совсем не тяготят. Слово это и не цитаты вовсе, а молодое вино – маджари! Вместе с мудростью вливает в тебя веселье и радость жизни.

Гиви втянул щеки. И без того темное лицо его стало вообще иконописным.

– Нодар Думбадзе говорил, – торжественно начал он, – что душа человека во много раз тяжелее его тела. Она так тяжела, что один человек не в силах нести ее. И поэтому люди, пока живы, должны помогать друг другу, ста-

раться обессмертить души друг друга. Вы – мою, я – другого, другой – третьего и так до бесконечности. Это и есть закон вечности.

Последние слова он произнес тихо и как-то особенно веско, словно пробуя их на прочность. Воздух сгустился до невыносимой синевы и был подвижен, как ртуть. Нарикала покачивалась в этой небесной ртути, как в море.

– Отойдем в тень, – добродушно предложил Гиви, – а то вам голову напечет. У нас солнце сильное.

И, подумав, прибавил:

– Солнце сильное, лоза сильная, терпение и любовь тоже сильные. Поэтому и живем. И город возносится к небу. Амаглебули!

И улыбнулся во все свои девять белоснежных зубов.

Распростившись с ним, мы спустились по крутым ступенькам Ботанического сада и вышли круглыми путями к Старому городу. Солнце клонилось к закату, воздух становился прозрачнее. В предвечерней прохладе наши шаги раздавались особенно гулко и тонко.

– Как маленькие молоточки! – усмехнулась знакомая и обвела любящим взглядом Куру, что

несла свои темно-зеленые воды вдоль скалистых берегов; памятник Вахтангу Горгасали; древний Метехский замок...

– Как я люблю свой город, – воскликнула она с чувством. – Он прекрасен в любое время года!

– Да, – вырвалось у меня. – Вознесенный!

– Ну, ты – гостя, поэтому тебе все чудесным кажется, – возразила она.

– А разве мы все не гости на этой земле? – лукаво парировала я. – Почему же тогда жизни не показывать нам красоту этого мира во всем его великолепии?! Мы ведь все гости!

– Смотри-ка! А ведь верно, – рассмеялась она. – Для чего тогда и жить, если не видеть красоту этого мира и не любить его?

Мы продолжали свой путь по вечернему городу. А он переливался матовым мягким блеском, как серьги-минанкари в ушах грузинских красавиц. Светился всеми оттенками бархатного синего, лазоревого и бирюзового цветов, сиял золотыми огнями. И бронзовый Вахтанг благословлял свой город – вознесенный к небу и прославляющий жизнь на земле.

19 марта 2023 года отмечает юбилей Нина Ананишвили,
прима-балерина, Народная артистка Грузии, Народная
артистка России, лауреат Государственной премии
Грузии, кавалер Ордена Чести, Президентского
ордена Сияния, Ордена Восходящего солнца (Япония),
Командор ордена Звезды Италии.

**С 16 февраля по 5 марта в Бакуриани под эгидой
Международной федерации лыжного спорта (FIS) прошел
чемпионат мира по фристайлу и сноуборду**

Фото: www.facebook.com/silknet